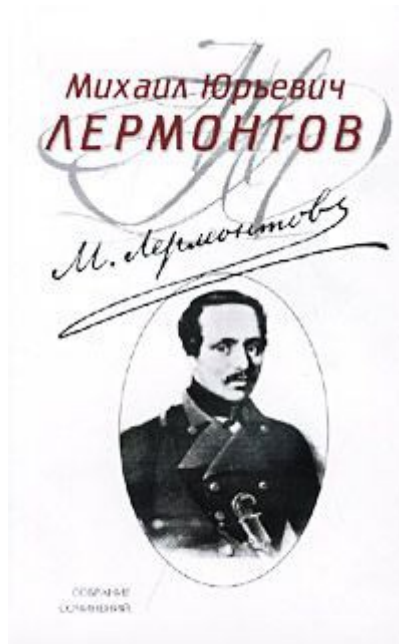

Михаил Юрьевич Лермонтов
Демон

Поэмы –

Михаил Юрьевич Лермонтов
Демон
Восточная повесть

Часть I

I

Печальный Демон, дух изгнания,
Летал над грешною землей,
И лучших дней воспоминанья
Пред ним теснились толпой;
Тех дней, когда в жилище света
Блистал он, чистый херувим,
Когда бегущая комета
Улыбкой ласковой привета
Любила поменяться с ним,
Когда сквозь вечные туманы,
Познания жадный, он следил
Кочующие караваны
В пространстве брошенных светил;
Когда он верил и любил,
Счастливый первенец творенья!

Не знал ни злобы, ни сомненья,
И не грозил уму его
Веков бесплодных ряд унылый...
И много, много...и всего
Припомнить не имел он силы!

II

Давно отверженный блуждал
В пустыне мира без приюта:
Вослед за веком век бежал,
Как за минутою минута,
Однообразной чередой.
Ничтожной властвуя землей,
Он сеял зло без наслажденья.
Нигде искусству своему
Он не встречал сопротивленья –
И зло наскучило ему.

III

И над вершинами Кавказа
Изгнанник рая пролетал:
Под ним Казбек, как грань алмаза,
Снегами вечными сиял,
И, глубоко внизу чернея,
Как трещина, жилище змея,
Вился излучистый Дарьял,
И Терек, прыгая, как львица
С косматой гривой на хребте,
Ревел, – и горный зверь, и птица,
Кружась в лазурной высоте,
Глаголу вод его внимали;
И золотые облака
Из южных стран, издалека
Его на север провожали;
И скалы тесною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Над ним склонялись головой,
Следя мелькающие волны;
И башни замков на скалах

Смотрели грозно сквозь туманы –
У врат Кавказа на часах
Сторожевые великаны!
И дик, и чуден был вокруг
Весь божий мир; но гордый дух
Презрительным окинул оком
Творенье бога своего,
И на челе его высоком
Не отразилось ничего.

IV

И перед ним иной картины
Красы живые расцвели:
Роскошной Грузии долины
Ковром раскинулись вдали;
Счастливый, пышный край земли!
Столпообразные раины,
Звонко-бегущие ручьи
По дну из камней разноцветных,
И кущи роз, где соловьи
Поют красавиц, безответных
На сладкий голос их любви;
Чинар развесистые сени,
Густым венчанные плющом,
Пещеры, где палящим днем
Таятся робкие олени;
И блеск и жизнь и шум листов,
Стозвучный говор голосов,
Дыханье тысячи растений!
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлажненные ночи,
И звезды яркие как очи,
Как взор грузинки молодой!..
Но, кроме зависти холодной,
Природы блеск не возбудил
В груди изгнанника бесплодной
Ни новых чувств, ни новых сил;
И всё, что пред собой он видел,
Он презирал иль ненавидел.

V

Высокий дом, широкий двор
Седой Гудал себе построил...
Трудов и слез он много стоил
Рабам послушным с давних пор.
С утра на скат соседних гор
От стен его ложатся тени.
В скале нарублены ступени;
Они от башни угловой
Ведут к реке, по ним мелькая,
Покрыта белою чадрой¹
Княжна Тамара молодая
К Арагве ходит за водой.

VI

Всегда безмолвно на долины
Глядел с утеса мрачный дом;
Но пир большой сегодня в нем –
Звучит зурна,² и льются вѣны –
Гудал сосватал дочь свою,
На пир он созвал всю семью.
На кровле, устланной коврами,
Сидит невеста меж подруг:
Средь игр и песен их досуг
Проходит. Дальними горами
Уж спрятан солнца полукруг;
В ладони мерно ударяя,
Они поют – и бубен свой
Берет невеста молодая.
И вот она, одной рукой
Кружа его над головой,
То вдруг помчится легче птицы,
То остановится, – глядит –
И влажный взор ее блестит
Из-под завистливой ресницы;
То черной бровью поведет,

1 Покрывало. (Примечание Лермонтова)

2 Вроде волынки. (Примечание Лермонтова)

То вдруг наклонится немножко,
И по ковру скользит, плывет
Ее божественная ножка;
И улыбается она,
Веселья детского полна.
Но луч луны, по влаге зыбкой
Слегка играющий порой,
Едва ль сравнится с той улыбкой,
Как жизнь, как молодость, живой.

VII

Клянусь полночною звездой,
Лучом заката и востока,
Властитель Персии златой
И ни единый царь земной
Не целовал такого ока;
Гарема брызжущий фонтан
Ни разу жаркою порою
Своей жемчужною росой
Не омывал подобный стан!
Еще ничья рука земная,
По милому челу блуждая,
Таких волос не расплела;
С тех пор как мир лишился рая,
Клянусь, красавица такая
Под солнцем юга не цвела.

VIII

В последний раз она плясала.
Увы! завтра ожидала
Ее, наследницу Гудала,
Свободы резвую дитя,
Судьба печальная рабыни,
Отчизна, чуждая поныне,
И незнакомая семья.
И часто тайное сомненье
Темнило светлые черты;
И были все ее движенья
Так стройны, полны выраженья,

Так полны милой простоты,
Что если б Демон, пролетая,
В то время на нее взглянул,
То, прежних братий вспоминая,
Он отвернулся б — и вздохнул...

IX

И Демон видел... На мгновенье
Неизъяснимое волненье
В себе почувствовал он вдруг.
Немой души его пустыню
Наполнил благодатный звук —
И вновь постигнул он святыню
Любви, добра и красоты!..
И долго сладостной картиной
Он любовался — и мечты
О прежнем счастье цепью длинной,
Как будто за звездой звезда,
Пред ним катилися тогда.
Прикованный незримой силой,
Он с новой грустью стал знаком;
В нем чувство вдруг заговорило
Родным когда-то языком.
То был ли признак возрождения?
Он слов коварных искушенья
Найти в уме своем не мог...
Забывать? — забвенья не дал бог:
Да он и не взял бы забвенья!..
.....

X

Измучив доброго коня,
На брачный пир к закату дня
Спешил жених нетерпеливый.
Арагвы светлой он счастливо
Достиг зеленых берегов.
Под тяжелой ношею даров
Едва, едва переступая,
За ним верблюдов длинный ряд

Дорогой тянется, мелькая:
Их колокольчики звенят.
Он сам, властитель Синодала,
Ведет богатый караван.
Ремнем затянут ловкий стан;
Оправа сабли и кинжала
Блестит на солнце; за спиной
Ружье с насечкой вырезной.
Играет ветер рукавами
Его чухи,³ – кругом она
Вся галуном обложена.
Цветными вышито шелками
Его седло; узда с кистями;
Под ним весь в мыле конь лихой
Бесценной масти, золотой.
Питомец резвый Карабаха
Прядет ушами и, полный страха,
Храпя косится с крутизны
На пену скачущей волны.
Опасен, узок путь прибрежный!
Утесы с левой стороны,
Направо глубь реки мятежной.
Уж поздно. На вершине снежной
Румянец гаснет; встал туман...
Прибавил шагу караван.

XI

И вот часовня на дороге...
Тут с давних лет почиет в боге
Какой-то князь, теперь святой,
Убитый мстительной рукой.
С тех пор на праздник иль на битву,
Куда бы путник ни спешил,
Всегда усердную молитву
Он у часовни приносил;
И та молитва сберегала
От мусульманского кинжала.
Но презрел удалой жених
Обычай прадедов своих.
Его коварною мечтою

³ Верхняя одежда с откидными рукавами. (Примечание Лермонтова)

Лукавый Демон возмущал:
Он в мыслях, под ночью тьмою,
Уста невесты целовал.
Вдруг впереди мелькнули двое,
И больше – выстрел! – что такое?..
Привстав на звонких⁴ стременах,
Надвинув на брови папах,⁵
Отважный князь не молвил слова;
В руке сверкнул турецкий ствол,
Нагайка щелк – и как орел
Он кинулся...и выстрел снова!
И дикий крик, и стон глухой
Промчались в глубине долины –
Недолго продолжался бой:
Бежали робкие грузины!

ХП

Затихло всё; теснясь толпой,
На трупы всадников порой
Верблюды с ужасом глядели;
И глухо в тишине степной
Их колокольчики звенели.
Разграблен пышный караван;
И над телами христиан
Чертит круги ночная птица!
Не ждет их мирная гробница
Под слоем монастырских плит,
Где прах отцов их был зарыт;
Не придут сестры с матерями,
Покрыты длинными чадрами,
С тоской, рыданьем и мольбами,
На гроб их из далеких мест!
Зато усердною рукою
Здесь у дороги, над скалою
На память водружится крест;
И плющ, разросшийся весною,
Его, ласкаясь, обовьет
Своею сеткой изумрудной;

4 Стремена у грузин вроде башмаков из звонкого металла. (*Примечание Лермонтова*)

5 Шапка, вроде ериванки. (*Примечание Лермонтова*)

И, своротив с дороги трудной,
Не раз усталый пешеход
Под божьей тенью отдохнет...

XIII

Несется конь быстрее лани,
Храпит и рвется будто к брани;
То вдруг осадит на скаку,
Прислушается к ветерку,
Широко ноздри раздувая;
То, разом в землю ударяя
Шипами звонкими копыт,
Взмахнув растрепанною гривой,
Вперед без памяти летит.
На нем есть всадник молчаливый!
Он бьется на седле порой,
Припав на гриву головой.
Уж он не правит поводками,
Задвинул ноги в стремяна,
И кровь широкими струями
На чепраке его видна.
Скакун лихой, ты господина
Из боя вынес как стрела,
Но злая пуля осетина
Его во мраке догнала!

XIV

В семье Гудала плач и стоны,
Толпится на дворе народ:
Чей конь примчался запаленный
И пал на камни у ворот?
Кто этот всадник бездыханный?
Хранили след тревоги бранной
Морщины смуглого чела.
В крови оружие и платье;
В последнем бешеном пожатье
Рука на гриве замерла.
Недолго жениха молодого,
Невеста, взор твой ожидал:

Сдержал он княжеское слово,
На брачный пир он прискакал...
Увы! но никогда уж снова
Не сядет на коня лихого!..

XV

На беззаботную семью
Как гром слетела божья кара!
Упала на постель свою,
Рыдает бедная Тамара;
Слеза катится за слезой,
Грудь высоко и трудно дышит;
И вот она как будто слышит
Волшебный голос над собой:
«Не плачь, дитя! не плачь напрасно!
Твоя слеза на труп безгласный
Живой росой не упадет:
Она лишь взор туманит ясный,
Ланиты девственные жжет!
Он далеко, он не узнает,
Не оценит тоски твоей;
Небесный свет теперь ласкает
Бесплотный взор его очей;
Он слышит райские напевы...
Что жизни мелочные сны,
И стон и слезы бедной девы
Для гостя райской стороны?
Нет, жребий смертного творенья,
Поверь мне, ангел мой земной,
Не стоит одного мгновенья
Твоей печали дорогой!

«На воздушном океане,
Без руля и без ветрил,
Тихо плавают в тумане
Хоры стройные светил;
Средь полей необозримых
В небе ходят без следа
Облаков неуловимых
Волокнистые стада.
Час разлуки, час свиданья —
Им ни радость, ни печаль;

Им в грядущем нет желанья,
И прошедшего не жаль.
В день томительный несчастья
Ты об них лишь вспомяни;
Будь к земному без участия
И беспечна, как они!

«Лишь только ночь своим покровом
Верхи Кавказа осенит,
Лишь только мир, волшебным словом
Завороженный, замолчит;
Лишь только ветер над скалою
Увядшей шевельнет травой,
И птичка, спрятанная в ней,
Порхнет во мраке веселей;
И под лозою виноградной,
Росу небес глотая жадно,
Цветок распустится ночью;
Лишь только месяц золотой
Из-за горы тихонько встанет
И на тебя украдкой взглянет, —
К тебе я стану прилетать;
Гостить я буду до денницы
И на шелковые ресницы
Сны золотые навевать...»

XVI

Слова умолкли в отдаленье,
Вослед за звуком умер звук.
Она вскочив глядит вокруг...
Невыразимое смятенье
В ее груди; печаль, испуг,
Восторга пыл — ничто в сравненье.
Все чувства в ней кипели вдруг;
Душа рвала свои оковы,
Огонь по жилам пробегал,
И этот голос чудно-новый,
Ей мнилось, всё еще звучал.
И перед утром сон желанный
Глаза усталые смежил;
Но мысль ее он возмутил
Мечтой пророческой и странной.

Пришлец туманный и немой,
Красой блистая неземной,
К ее склонился изголовью;
И взор его с такой любовью,
Так грустно на нее смотрел,
Как будто он об ней жалел.
То не был ангел небожитель,
Ее божественный хранитель:
Венец из радужных лучей
Не украшал его кудрей.
То не был ада дух ужасный,
Порочный мученик – о нет!
Он был похож на вечер ясный:
Ни день, ни ночь, – ни мрак, ни свет!

Часть II

I

«Отец, отец, оставь угрозы,
Свою Тамару не брани;
Я плачу: видишь эти слезы,
Уже не первые они.
Напрасно женихи толпою
Спешат сюда из дальних мест...
Немало в Грузии невест;
А мне не быть ничьей женою!..
О, не брани, отец, меня.
Ты сам заметил: день от дня
Я вяну, жертва злой отравы!
Меня терзает дух лукавый
Неотразимую мечтой;
Я гибну, сжался надо мной!
Отдай в священную обитель
Дочь безрассудную свою;
Там защитит меня Спаситель,
Пред ним тоску мою пролью.
На свете нет уж мне веселья...
Святыни миром осеня,
Пусть примет сумрачная келья,
Как гроб, заранее меня...»

II

И в монастырь уединенный
Ее родные отвезли,
И власяницею смиренной
Грудь молодую облекли.
Но и в монашеской одежде,
Как под узорною парчой,
Всё беззаконною мечтой
В ней сердце билось как прежде.
Пред алтарем, при блеске свеч,
В часы торжественного пенья,
Знакомая, среди моления,
Ей часто слышалась речь.
Под сводом сумрачного храма
Знакомый образ иногда
Скользил без звука и следа
В тумане легком фимиама;
Сиял он тихо, как звезда;
Манил и звал он... но – куда?..

III

В прохладе меж двумя холмами
Таился монастырь святой.
Чинар и тополей рядами
Он окружен был – и порой,
Когда ложилась ночь в ущельи,
Сквозь них мелькала, в окнах кельи,
Лампада грешницы молодой.
Кругом, в тени дерев миндальных,
Где ряд стоит крестов печальных,
Безмолвных сторожей гробниц,
Спевались хоры легких птиц.
По камням прыгали, шумели
Ключи студеною волной,
И под нависшею скалой,
Сливаясь дружески в ущельи,
Катились дальше, меж кустов,
Покрытых инеем цветов.

IV

На север видны были горы.
При блеске утренней Авроры,
Когда синеющий дымок
Куруется в глубине долины,
И, обращаясь на восток,
Зовут к молитве муэцины,
И звучный колокола глас
Дрожит, обитель пробуждая;
В торжественный и мирный час,
Когда грузинка молодая
С кувшином длинным за водой
С горы спускается крутой,
Вершины цепи снеговой
Светлолиловою стеной
На чистом небе рисовались,
И в час заката одевались
Они румяной пеленой;
И между них, прорезав тучи,
Стоял, всех выше головой,
Казбек, Кавказа царь могучий,
В чалме и ризе парчевой.

V

Но, полно думою преступной,
Тамары сердце недоступно
Восторгам чистым. Перед ней
Весь мир одет угрюмой тенью;
И всё ей в нем предлог мученью –
И утра луч и мрак ночей.
Бывало только ночи сонной
Прохлада землю обоймет,
Перед божественной иконой
Она в безумьи упадет
И плачет; и в ночном молчанье
Ее тяжелое рыданье
Тревожит путника вниманье;
И мыслит он: «То горный дух
Прикованный в пещере стонет!»

И чуткий напрягая слух,
Коня измученного гонит...

VI

Тоской и трепетом полна,
Тамара часто у окна
Сидит в раздумьи одиноком
И смотрит в даль прилежным оком,
И целый день вздыхая, ждет...
Ей кто-то шепчет: он придет!
Недаром сны ее ласкали,
Недаром он являлся ей,
С глазами, полными печали,
И чудной нежностью речей.
Уж много дней она томится,
Сама не зная почему;
Святым захочет ли молиться –
А сердце молится *ему* ;
Утомлена борьбой всегдашней,
Склонится ли на ложе сна:
Подушка жжет, ей душно, страшно,
И вся, вскочив, дрожит она;
Пылают грудь ее и плечи,
Нет сил дышать, туман в очах,
Объятья жадно ищут встречи,
Лобзанья тают на устах...

.....

.....

VII

Вечерней мглы покров воздушный
Уж холмы Грузии одел.
Привычке сладостной послушный,
В обитель Демон прилетел.
Но долго, долго он не смел
Святыню мирного приюта
Нарушить. И была минута,
Когда казался он готов
Оставить умысел жестокой.

Задумчив у стены высокой
Он бродит: от его шагов
Без ветра лист в тени трепещет.
Он поднял взор: ее окно
Озарено лампадой блещет;
Кого-то ждет она давно!
И вот средь общего молчанья
Чингура⁶ стройное бряцанье
И звуки песни раздались;
И звуки те лились, лились,
Как слезы, мерно друг за другом;
И эта песнь была нежна,
Как будто для земли она
Была на небе сложена!
Не ангел ли с забытым другом
Вновь повидаться захотел,
Сюда украдкою слетел
И о былом ему пропел,
Чтоб усладить его мученье?..
Тоску любви, ее волненье
Постигнул Демон в первый раз;
Он хочет в страхе удалиться...
Его крыло не шевелится!
И, чудо! из померкших глаз
Слеза тяжелая катится...
Поныне возле кельи той
Насквозь прожженный виден камень
Слезой жаркою, как пламень,
Нечеловеческой слезой!..

VIII

И входит он, любить готовый,
С душой, открытой для добра,
И мыслит он, что жизни новой
Пришла желанная пора.
Неясный трепет ожидания,
Страх неизвестности немой,
Как будто в первое свиданье
Спознались с гордою душой.
То было злое предвещанье!

⁶ Чингар, род гитары. (Примечание Лермонтова)

Он входит, смотрит – перед ним
Посланник рая, херувим,
Хранитель грешницы прекрасной,
Стоит с блистающим челом
И от врага с улыбкой ясной
Приосенил ее крылом;
И луч божественного света
Вдруг ослепил нечистый взор,
И вместо сладкого привета
Раздался тягостный укор:

IX

«Дух беспокойный, дух порочный,
Кто звал тебя во тьме полночной?
Твоих поклонников здесь нет,
Зло не дышало здесь поныне;
К моей любви, к моей святыне
Не пролагай преступный след.
Кто звал тебя?»
Ему в ответ
Злой дух коварно усмехнулся;
Зарделся ревностью взгляд;
И вновь в душе его проснулся
Старинной ненависти яд.
«Она моя! – сказал он грозно, –
Оставь ее, она моя!
Явился ты, защитник, поздно,
И ей, как мне, ты не судья.
На сердце, полное гордыни,
Я наложил печать мою;
Здесь больше нет твоей святыни,
Здесь я владею и люблю!»
И Ангел грустными очами
На жертву бедную взглянул
И медленно, взмахнув крылами,
В эфире неба потонул.

.....

X

Тамара

О! кто ты? речь твоя опасна!
Тебя послал мне ад иль рай?
Чего ты хочешь?..

Демон

Ты прекрасна!

Тамара

Но молви, кто ты? отвечай...

Демон

Я тот, которому внимала
Ты в полуночной тишине,
Чья мысль душе твоей шептала,
Чью грусть ты смутно отгадала,
Чей образ видела во сне.
Я тот, чей взор надежду губит;
Я тот, кого никто не любит;
Я бич рабов моих земных,
Я царь познания и свободы,
Я враг небес, я зло природы,
И, видишь, – я у ног твоих!
Тебе принес я в умиление
Молитву тихую любви,
Земное первое мученье
И слезы первые мои.
О! выслушай – из сожаленья!
Меня добру и небесам
Ты возвратить могла бы словом.
Твоей любви святым покровом
Одетый, я предстал бы там,
Как новый ангел в блеске новом;
О! только выслушай, молю, –
Я раб твой, – я тебя люблю!
Лишь только я тебя увидел –
И тайно вдруг возненавидел
Бессмертие и власть мою.
Я позавидовал невольно
Неполной радости земной;
Не жить как ты мне стало больно,

И страшно – розно жить с тобой.
В бескровном сердце луч нежданный
Опять затеплился живей,
И грусть на дне старинной раны
Зашевелилася, как змей.
Что без тебя мне эта вечность?
Моих владений бесконечность?
Пустые звучные слова,
Обширный храм – без божества!

Тамара

Оставь меня, о дух лукавый!
Молчи, не верю я врагу...
Творец... Увы! я не могу
Молиться... губительной отравой
Мой ум слабеющий объят!
Послушай, ты меня погубишь;
Твои слова – огонь и яд...
Скажи, зачем меня ты любишь!

Демон

Зачем, красавица? Увы,
Не знаю!.. Полон жизни новой,
С моей преступной головы
Я гордо снял венец терновый,
Я всё бывшее бросил в прах:
Мой рай, мой ад в твоих очах.
Люблю тебя нездешней страстью,
Как полюбить не можешь ты:
Всем упоением, всей властью
Бессмертной мысли и мечты.
В душе моей, с начала мира,
Твой образ был напечатлён,
Передо мной носился он
В пустынях вечного эфира.
Давно тревожа мысль мою,
Мне имя сладкое звучало;
Во дни блаженства мне в раю
Одной тебя не доставало.
О! если б ты могла понять,
Какое горькое томленье
Всю жизнь, века без разделенья
И наслаждаться и страдать,

За зло похвал не ожидать
Ни за добро вознагражденья;
Жить для себя, скучать собой,
И этой вечною борьбой
Без торжества, без примиренья!
Всегда жалеть и не желать,
Всё знать, всё чувствовать, всё видеть,
Стараться всё возненавидеть
И всё на свете презирать!..
Лишь только божие проклятье
Исполнилось, с того же дня
Природы жаркие объятья
Навек остыли для меня;
Синело предо мной пространство;
Я видел брачное убранство
Светил, знакомых мне давно...
Они текли в венцах из золота;
Но что же? прежнего собрата
Не узнавало ни одно.
Изгнанников, себе подобных,
Я звать в отчаянии стал,
Но слов и лиц и взоров злобных,
Увы! я сам не узнавал.
И в страхе я, взмахнув крылами,
Помчался – но куда? зачем?
Не знаю... прежними друзьями
Я был отвергнут; как Эдем,
Мир для меня стал глух и нем.
По вольной прихоти теченья
Так поврежденная ладья
Без парусов и без руля
Плывет, не зная назначенья;
Так ранней утренней порой
Отрывок тучи громовой,
В лазурной вышине чернея,
Один, нигде пристать не смея,
Летит без цели и следа,
Бог весть откуда и куда!
И я людьми недолго правил,
Греху недолго их учил,
Всё благородное бесславил
И всё прекрасное хулил;
Недолго... пламень чистой веры
Легко навек я залил в них...
А стоили ль трудов моих

Одни глупцы да лицемеры?
И скрылся я в ущельях гор;
И стал бродить, как метеор,
Во мраке полночи глубокой...
И мчался путник одинокой,
Обманут близким огоньком;
И в бездну падая с конем,
Напрасно звал – и след кровавый
За ним вился по крутизне...
Но злобы мрачные забавы
Недолго нравились мне!
В борьбе с могучим ураганом,
Как часто, подымая прах,
Одетый молнией и туманом,
Я шумно мчался в облаках,
Чтобы в толпе стихий мятежной
Сердечный ропот заглушить,
Спасть от думы неизбежной
И незабвенное забыть!
Что повесть тягостных лишений,
Трудов и бед толпы людской
Грядущих, прошлых поколений,
Перед минутою одной
Моих непризнанных мучений?
Что люди? что их жизнь и труд?
Они прошли, они пройдут...
Надежда есть – ждет правый суд:
Простить он может, хоть осудит!
Моя ж печаль бессменно тут,
И ей конца, как мне, не будет;
И не вздремнуть в могиле ей!
Она то ластится, как змей,
То жжет и плещет, будто пламень,
То давит мысль мою, как камень –
Надежд погибших и страстей
Несокрушимый мавзолей!..

Тамара

Зачем мне знать твои печали,
Зачем ты жалуешься мне?
Ты согрешил...

Демон

Против тебя ли?

Тамара

Нас могут слышать!...

Демон

Мы одне.

Тамара

А бог!

Демон

На нас не кинет взгляда:
Он занят небом, не землей!

Тамара

А наказание, муки ада?

Демон

Так что ж? Ты будешь там со мной!

Тамара

Кто б ни был ты, мой друг случайный, –
Покой навеки погубя,
Невольно я с отрадой тайной,
Страдалец, слушаю тебя.
Но если речь твоя лукава,
Но если ты, обман тая...
О! пощади! Какая слава?
На что душа тебе моя?
Ужели небу я дороже
Всех, не замеченных тобой?
Они, увы! прекрасны тоже;
Как здесь, их девственное ложе
Не смято смертною рукой...
Нет! дай мне клятву роковую...
Скажи, – ты видишь: я тоскую;
Ты видишь женские мечты!

Невольно страх в душе ласкаешь...
Но ты всё понял, ты всё знаешь –
И сжалишься, конечно, ты!
Клянися мне... от злых стяжаний
Отречься ныне дай обет.
Ужель ни клятв, ни обещаний
Ненарушимых больше нет?..

Демон

Клянусь я первым днем творенья,
Клянусь его последним днем,
Клянусь позором преступленья
И вечной правды торжеством.
Клянусь паденья горькой мукой,
Победы краткою мечтой;
Клянусь свиданием с тобой
И вновь грозящею разлукой.
Клянусь сонмищем духов,
Судьбою братий мне подвластных,
Мечами ангелов бесстрастных,
Моих недремлющих врагов;
Клянусь небом я и адом,
Земной святыней и тобой,
Клянусь твоим последним взглядом,
Твоею первою слезой,
Незлобных уст твоих дыханьем,
Волною шелковых кудрей,
Клянусь блаженством и страданьем,
Клянусь любовью моей:
Я отрекся от старой мести,
Я отрекся от гордых дум;
Отныне яд коварной лести
Ничей уж не встревожит ум;
Хочу я с небом примириться,
Хочу любить, хочу молиться,
Хочу я веровать добру.
Слезой раскаянья сотру
Я на челе, тебя достойном,
Следы небесного огня –
И мир в неведеньи спокойном
Пусть доцветает без меня!
О! верь мне: я один поныне
Тебя постиг и оценил:
Избрав тебя моей святыней,

Я власть у ног твоих сложил.
Твоей любви я жду, как дара,
И вечность дам тебе за миг;
В любви, как в злобе, верь, Тамара,
Я неизменен и велик.
Тебя я, вольный сын эфира,
Возьму в надзвездные края;
И будешь ты царицей мира,
Подруга первая моя;
Без сожаленья, без участия
Смотреть на землю станешь ты,
Где нет ни истинного счастья,
Ни долговечной красоты,
Где преступленья лишь да казни,
Где страсти мелкой только жить;
Где не умеют без боязни
Ни ненавидеть, ни любить.
Иль ты не знаешь, что такое
Людей минутная любовь?
Волненье крови молодое, —
Но дни бегут и стынет кровь!
Кто устоит против разлуки,
Соблазна новой красоты,
Против усталости и скуки
И своенравия мечты?
Нет! не тебе, моей подруге,
Узнай, назначено судьбой
Увянуть молча в тесном круге
Ревнивой грубости рабой,
Средь малодушных и холодных,
Друзей притворных и врагов,
Боязней и надежд бесплодных,
Пустых и тягостных трудов!
Печально за стеной высокой
Ты не угаснешь без страстей,
Среди молитв, равно далеко
От божества и от людей.
О нет, прекрасное созданье,
К иному ты присуждена;
Тебя иное ждет страданье,
Иных восторгов глубина;
Оставь же прежние желанья
И жалкий свет его судьбе:
Пучину гордого познания
Взамен открою я тебе.

Толпу духов моих служебных
Я приведу к твоим стопам;
Прислужниц легких и волшебных
Тебе, красавица, я дам;
И для тебя с звезды восточной
Сорву венец я золотой;
Возьму с цветов росы полночной;
Его усыплю той росой;
Лучом румяного заката
Твой стан, как лентой, обовью,
Дыханьем чистым аромата
Окредный воздух напою;
Всечасно дивною игрою
Твой слух лелеать буду я;
Чертоги пышные построю
Из бирюзы и янтаря;
Я опущусь на дно морское,
Я полечу за облака,
Я дам тебе всё, всё земное –
Люби меня!..

XI

И он слегка
Коснулся жаркими устами
Ее трепещущим губам;
Соблазна полными речами
Он отвечал ее мольбам.
Могучий взор смотрел ей в очи!
Он жег ее. Во мраке ночи
Над нею прямо он сверкал,
Неотразимый, как кинжал.
Увы! злой дух торжествовал!
Смертельный яд его лобзанья
Мгновенно в грудь ее проник.
Мучительный, ужасный крик
Ночное возмутил молчанье.
В нем было всё: любовь, страданье,
Упрек с последнею мольбой
И безнадежное прощанье –
Прощанье с жизнью молодой.

ХII

В то время сторож полуночный,
Один вокруг стены крутой
Свершая тихо путь урочный,
Бродил с чугуною доской,
И возле кельи девы юной
Он шаг свой мерный укротил
И руку над доской чугунной,
Смутясь душой, остановил.
И сквозь окрестное молчанье,
Ему казалось, слышал он
Двух уст согласное лобзанье,
Минутный крик и слабый стон.
И нечестивое сомненье
Проникло в сердце старика...
Но пронеслось еще мгновенье,
И стихло всё; издалика
Лишь дуновенье ветерка
Роптанье листьев приносило,
Да с темным берегом уныло
Шепталась горная река.
Канон угодника святого
Спешит он в страхе прочесть,
Чтоб наважденье духа злого
От грешной мысли отогнать;
Крестит дрожащими перстами
Мечтой взволнованную грудь
И молча скорыми шагами
Обычный продолжает путь.
.....

ХIII

Как пери спящая мила,
Она в гробу своем лежала,
Белей и чище покрывала
Был томный цвет ее чела.
Навек опущены ресницы...
Но кто б, о небо! не сказал,
Что взор под ними лишь дремал
И, чудный, только ожидал

Иль поцелуя иль денницы?
Но бесполезно луч дневной
Скользил по ним струей златой,
Напрасно их в немой печали
Уста родные целовали...
Нет! смерти вечную печать
Ничто не в силах уж сорвать!

XIV

Ни разу не был в дни веселья
Так разноцветен и богат
Тамары праздничный наряд.
Цветы родимого ущелья
(Так древний требует обряд)
Над нею льют свой аромат
И сжаты мертвою рукою
Как бы прощаются с землею!
И ничего в ее лице
Не намекало о конце
В пылу страстей и упоенья;
И были все ее черты
Исполнены той красоты,
Как мрамор, чуждой выраженья,
Лишенной чувства и ума,
Таинственной, как смерть сама.
Улыбка странная застыла,
Мелькнувши по ее устам.
О многом грустном говорила
Она внимательным глазам:
В ней было хладное презренье
Души, готовой отцвести,
Последней мысли выраженье,
Земле беззвучное прости.
Напрасный отблеск жизни прежней,
Она была еще мертвей,
Еще для сердца безнадежней
Навек угаснувших очей.
Так в час торжественный заката,
Когда, растаяв в море злата,
Уж скрылась колесница дня,
Снега Кавказа, на мгновенье
Отлив румяный сохраняя,

Сияют в темном отдаленье.
Но этот луч полуживой
В пустыне отблеска не встретит;
И путь ничей он не осветит
С своей вершины ледяной!..

XV

Толпой соседи и родные
Уж собрались в печальный путь.
Терзая локоны седые,
Безмолвно поражая грудь,
В последний раз Гудал садится
На белогривого коня,
И поезд тронулся. Три дня,
Три ночи путь их будет длиться:
Меж старых дедовских костей
Приют покойный вырыт ей.
Один из праотцев Гудала,
Грабитель странников и сёл,
Когда болезнь его сковала
И час раскаянья пришел,
Грехов минувших в искупленье
Построить церковь обещал
На вышине гранитных скал,
Где только выюги слышно пенье,
Куда лишь коршун залетал.
И скоро меж снегов Казбека
Поднялся одинокий храм,
И кости злого человека
Вновь успокоились там;
И превратилась в кладбище
Скала, родная облакам:
Как будто ближе к небесам
Теплей посмертное жилище?..
Как будто дальше от людей
Последний сон не возмутится...
Напрасно! мертвым не приснится
Ни грусть, ни радость прошлых дней.

XVI

В пространстве синего эфира
Один из ангелов святых
Летел на крыльях золотых,
И душу грешную от мира
Он нес в объятиях своих.
И сладкой речью упования
Ее сомненья разгонял,
И след проступка и страданья
С нее слезами он смывал.
Издадека уж звуки рая
К ним доносились – как вдруг,
Свободный путь пересекая,
Взвился из бездны адский дух.
Он был могущ, как вихорь шумный,
Блистал, как молнии струя,
И гордо в дерзости безумной
Он говорит: «Она моя!»

К груди хранительной прижалась,
Молитвой ужас заглуша,
Тамары грешная душа.
Судьба грядущего решалась,
Пред нею снова он стоял,
Но, боже! – кто б его узнал?
Каким смотрел он злобным взглядом,
Как полон был смертельным ядом
Вражды, не знающей конца, –
И веяло могильным хладом
От неподвижного лица.

«Исчезни, мрачный дух сомненья! –
Посланник неба отвечал: –
Довольно ты торжествовал;
Но час суда теперь настал –
И благо божие решение!
Дни испытания прошли;
С одеждой брэнною земли
Оковы зла с нее ниспали.
Узнай! давно ее мы ждали!
Ее душа была из тех,
Которых жизнь – одно мгновенье
Невыносимого мученья,
Недостигаемых утех:
Творец из лучшего эфира

Соткал живые струны их,
Они не созданы для мира,
И мир был создан не для них!
Ценой жестокой искупила
Она сомнения свои...
Она страдала и любила –
И рай открылся для любви!»

И Ангел строгими очами
На искусителя взглянул
И, радостно взмахнув крылами,
В сиянье неба потонул.
И проклял Демон побежденный
Мечты безумные свои,
И вновь остался он, надменный,
Один, как прежде, во вселенной
Без упования и любви!..

—

На склоне каменной горы
Над Койшаурскою долиной
Еще стоят до сей поры
Зубцы развалины старинной.
Рассказов, страшных для детей,
О них еще преданья полны...
Как призрак, памятник безмолвный,
Свидетель тех волшебных дней,
Между деревьями чернеет.
Внизу рассыпался аул,
Земля цветет и зеленеет;
И голосов нестройный гул
Теряется, и караваны
Идут звеня издалека,
И, низвергаясь сквозь туманы,
Блестит и пенится река.
И жизнью вечно молодою,
Прохладой, солнцем и весною
Природа тешится шутя,
Как беззаботная дитя.

Но грустен замок, отслуживший
Года во очередь свою,
Как бедный старец, переживший
Друзей и милую семью.

И только ждут луны восхода
Его незримые жильцы:
Тогда им праздник и свобода!
Жужжат, бегут во все концы.
Седой паук, отшельник новый,
Прядет сетей своих основы;
Зеленых ящериц семья
На кровле весело играет;
И осторожная змея
Из темной щели выползает
На плиту старого крыльца,
То вдруг сошьется в три кольца,
То ляжет длинной полосой
И блещет, как булатный меч,
Забытый в поле давних сеч,
Ненужный падшему герою!..
Всё дико; нет нигде следов
Минувших лет: рука веков
Прилежно, долго их сметала,
И не напомним ничего
О славном имени Гудала,
О милой дочери его!

Но церковь на крутой вершине,
Где взяты кости их землей,
Хранима властью святой,
Видна меж туч еще поныне.
И у ворот ее стоят
На страже черные граниты,
Плащами снежными покрыты;
И на груди их вместо лат
Льды вековечные горят.
Обвалов сонные громады
С уступов, будто водопады,
Морозом схваченные вдруг,
Висят нахмурившись вокруг.
И там метель дозором ходит,
Сдувая пыль со стен седых,
То песню долгую заводит,
То окликает часовых;
Услыша вести в отдаленье
О чудном храме, в той стране,
С востока облака одне
Спешат толпой на поклоненье;
Но над семьей могильных плит

Давно никто уж не грустит.
Скала угрюмого Казбека
Добычу жадно сторожит,
И вечный ропот человека
Их вечный мир не возмутит.

Примечания

Печатается по так называемому «придворному» списку – ЦГИАЛ, ф. № 1075 (Философовых), ед. хр. № 1179. Этот список, идущий от Лермонтова, писарской, с поправками рукой А. П. Шан-Гирея, послужил для набора первого издания «Демона» в Карлсруэ в 1856 году. Стихи диалога «Зачем мне знать твои печали», вводятся из второго карлсруйского издания «Демона», 1857 года. Стихи «Как трещина, жилища змея», «Дыханья тысячи растений», «Седый Гудал себе построил», «Чей конь примчался запаленый», «Как мрамор, чуждый выраженья», «Безмолвно поражая в грудь» исправлены по авторизованному списку – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 4, то есть по тексту VI редакции поэмы (8 сентября 1838 года). Все эти исправления совпадают с текстом карлсруйского издания 1857 года.

Датируется началом 1841 года, когда Лермонтов, по приезде в отпуск с Кавказа, в последний раз переработал свою поэму. По рукописи этой окончательной, VIII, редакции и был изготовлен тогда же «придворный» список для чтения при дворе наследника (см. ниже). А. П. Шан-Гирей, свидетель работы Лермонтова над поэмой и, судя по поправкам в списке, участник в его изготовлении, впоследствии категорически утверждал, что этот список – «единственный экземпляр полный и после которого „Демон“ не переделывался» (А. П. Шан-Гирей. М. Ю. Лермонтов. Приложение к «Запискам» Е. А. Сушковой. Изд. «Academia», Л., 1928, стр. 386).

При жизни Лермонтова поэма не была напечатана. По рукам ходили многочисленные списки с резко различавшимися текстами, в разных редакциях, иногда искусственно комбинировавшихся переписчиками. Печатные тексты «Демона», как и списки, сильно разнились друг от друга. Автографа же или авторитетного списка поэмы в последней редакции не сохранилось. Всё это породило ожесточенные споры исследователей-литературоведов на протяжении почти целого столетия по вопросу о том, что же считать последней редакцией поэмы. Было выдвинуто даже предложение обратиться к методу реконструкции текста «Демона» путем сличения ряда списков и составления на их основе редакции, наиболее приближающейся к авторской. Положить конец этим спорам могло нахождение авторитетной рукописи последней редакции «Демона». Такая рукопись («придворный» список) была найдена в 1939 году (в фондах ЦГИАЛ).

По смерти поэта А. А. Краевский хотел опубликовать поэму в «Отеч. записках». Так как подлинника у Краевского не было, то поэма набиралась по

неавторитетному списку. Краевский подписал к печати корректуру 9 декабря 1841 года, однако в январском номере журнала, вместо поэмы, появилось извещение: «Поэма Лермонтова „Демон“ не будет напечатана по причинам, не зависящим от редакции» («Отеч. записки», 1842, т. 20, № 1, отд. VI, стр. 42). С большим трудом удалось В. Г. Белинскому и А. А. Краевскому получить цензурное разрешение на публикацию отрывков из «Демона» по списку, собственноручно изготовленному и отредактированному Белинским и являвшемуся контаминацией текстов двух редакций – 8 сентября 1838 года и начала 1841 года, с предпочтением первой из них, ценившейся Белинским выше в идейном отношении (см.: А. Михайлова. Белинский – редактор Лермонтова. «Лит. наследство», т. 57, 1951, стр. 261–272). Эти отрывки появились в «Отеч. записках» (1842, т. 22, № 6, отд. I, стр. 187–201) без заглавия, как «Отрывки из поэмы», и перепечатывались потом без изменений в «Стихотворениях М. Лермонтова», изданных И. Глазуновым (ч. 2, СПб., 1842, стр. 163–197), в «Сочинениях Лермонтова», изданных А. Смирдиным (т. 1, СПб., 1847, стр. 220–242) и позднее – И. Глазуновым (изд. 3-е, т. 1, СПб., 1852, стр. 218–240; изд. 4-е, т. 1, СПб., 1856, стр. 218–240).

Запрещенный в России, «Демон» был впервые издан полностью за границей (в Бадене, в Карлсруэ),⁷ в 1856 году, по «придворному» списку, А. И. Философовым, родственником Лермонтова по жене своей, урожденной Столыпина (о Философовых см.: А. Н. Михайлова. Лермонтов и его родня по документам архива А. И. Философова. «Лит. наследство», т. 45–46, 1948, стр. 661–690). В распоряжении Философова был также автограф последней редакции поэмы, по которому изготовлялся «придворный» список. Этот автограф, представлявший переработку беловика VII редакции в последнюю (VIII), был прислан ему собственником рукописи, Д. А. Столыпиным. В 1857 году в Карлсруэ было напечатано второе издание «Демона» (с титулом, тождественным изданию 1856 года) при участии И. И. Базарова, несколько отличавшееся от первого. В основу его Базаров положил автограф, содержащий исправления, сделанные поэтом в начале 1841 года, причем некоторые исключенные Лермонтовым стихи попали в основной текст второго издания. В нем, например, был напечатан диалог Тамары с Демоном «Зачем мне знать твои печали», а вместо стихов первого издания («Напрасно женихи толпою...») в основном тексте второго издания даны стихи VI редакции поэмы (от слов «Не буду я ничьей женою»), стихи же последней, VIII, редакции помещены в подстрочном примечании, и т. д. (см. варианты).

Автограф поэмы до сих пор не найден (возможно, остался в типографии). Сохранилось лишь описание его, сообщенное Д. А. Столыпиным П. К. Мартьянову и характеризующее состояние рукописи до позднейших поправок. «Это была тетрадь большого листового формата, сшитая из дести

7 Демон. Восточная повесть, сочиненная Михаилом Юрьевичем Лермонтовым. Переписана с первой своеручной его рукописи, с означением сделанных им на оной перемарок, исправлений и изменений. Оригинальная рукопись так чиста, что перелистывая оную, подумаешь, что она писана под диктовку, или списана с другой. Сентября 13-го 1841 года. Карлсруэ. В придворной типографии В. Гаспера. 1856. (58 страниц).

обыкновенной белой писчей бумаги и перегнутая сверху донизу надвое. Текст поэмы написан четко и разборчиво, без малейших поправок и перемарок, на правой стороне листа, а левая оставалась чистой» (П. К. Мартьянов. Дела и люди века, т. 3. СПб., 1896, стр. 86). Этот беловой текст (VII редакции) был переработан Лермонтовым в 1841 году путем зачеркиваний и вставок в восьмую, последнюю редакцию, подобно тому, как беловой текст второй редакции в тетради IV был превращен поэтом после правки в черновик III редакции – см. примечания ко II редакции «Демона». (Разночтения VII редакции с окончательной сообщены в примечаниях карлсруйских изданий. По словам Д. А. Столыпина, «сделанные в С.-Петербурге в 1841 году последние исправления поэмы писаны также без помарок на левой стороне, против зачеркнутых направо строф и строк правильной, как бы по линейке, диагональной чертой справа налево» (П. К. Мартьянов. Дела и люди века, т. 2. СПб., 1893, стр. 126). Об этом же свидетельствует и надпись, сделанная А. И. Философовым на заглавном листе «придворного» списка (после слов «Демон. Восточная повесть»): «Сочиненная Михаилом Юрьевичем Лермонтовым 4-го декабря 1838 года – переписана с первой, своеручной его рукописи, с означением сделанных им на оной перемарок, исправлений и изменений. – Оригинальная рукопись так чиста, что перелистывая оную подумаешь, что она писана под диктовку или списана с другой». Эта надпись и была воспроизведена на титульном листе карлсруйских изданий, за исключением даты. Философов, очевидно, уже в корректуре уничтожил эту дату, так как фактически в Карлсруэ печатался не текст 4 декабря 1838 года (VII редакция), а текст, являвшийся результатом переработки поэмы в 1841 году и ставший теперь черновым, то есть текст последней (VIII) редакции поэмы. Слова Философова «оригинальная рукопись так чиста» относились к первоначальному слою автографа. Вторая дата («Сентября 13-го 1841-го года»), вписанная Философовым на заглавный лист «придворного» списка и напечатанная на титульном листе карлсруйских изданий, взята Философовым тоже с автографа. Это, очевидно, была чья-то помета, обозначающая время передачи А. П. Шан-Гиреем Д. А. Столыпину автографа «Демона» после смерти Лермонтова (см.: П. К. Мартьянов. Дела и люди века, т. 2. СПб., 1893, стр. 130).

Большой заслугой А. И. Философова является тот факт, что он не только напечатал последнюю редакцию поэмы, но и привел (по автографу) в подстрочных примечаниях варианты предшествовавшей ей VII редакции (4 декабря 1838 года), что дает возможность, несмотря на утерю автографа, восстановить ее.

Подробнее о карлсруйских изданиях см.: А. Н. Михайлова. Последняя редакция «Демона». «Лит. наследство», т. 45–46, 1948, стр. 11–22.

Одновременно с карлсруйскими появились два берлинских издания «Демона» (1856 и 1857 годов), напечатанные по неудовлетворительным спискам. Текст их близок к VI и VII редакциям (8 сентября и 4 декабря 1838 года).

В 1860 году поэма «Демон» была, наконец, напечатана полностью и в России – в Соч. под ред. Дудышкина (т. 1, стр. 7–50), по списку, в основном

дающему последнюю редакцию поэмы, но со строфой XIV второй части из VI редакции (со стихом: «...с небом гордая вражда»). Последующие издания поэмы уже представляли перепечатку карлсруйских изданий, с предпочтением того или другого из них. Как правило, воспроизводился текст первого карлсруйского издания с исправлениями его по второму изданию или же, наоборот, текст второго издания с исправлениями по первому.

Исключение составляют текст «Демона» в Соч. под ред. Висковатова (т. 3, 1891, стр. 4–45), данный редактором по фальсифицированному им списку (см.: «Лит. наследство», т. 45–46, 1948, стр. 12), и текст поэмы в Соч. изд. Академической библиотеки (т. 2, 1910, стр. 351–383; 1916, стр. 367–400), напечатанный по корректуре А. А. Краевского, несмотря на всю ее неудовлетворительность.

Советские текстологи (Б. М. Эйхенбаум и др.) пошли по правильному пути, печатая «Демона» по первому карлсруйскому изданию. Из второго карлсруйского издания они брали диалог «Зачем мне знать твои печали», удаленный Лермонтовым из последней редакции. Диалог включался вследствие его идейной ценности, несмотря на некоторое противоречие его с новым контекстом.

Поэма «Демон» является плодом многолетней поэтической работы Лермонтова, его философских раздумий. Начав поэму еще мальчиком, в Благородном пансионе при Московском университете, неоднократно перерабатывая ее в зрелом возрасте, поэт окончательно отшлифовал ее лишь за несколько месяцев до смерти, уже будучи автором «Сказки для детей», где он простился с демонизмом, назвав его «безумным, страстным, детским бредом».

I редакция «Демона» (1829 года) состоит из стихотворных набросков и двух прозаических записей сюжета. Несмотря на фрагментарность, в ней уже дается характеристика Демона, начало его диалога с героиней. Первый стих («Печальный Демон, дух изгнания») и стихотворный размер поэмы сохраняются во всех редакциях поэмы, за исключением IV. В том же (1829) году Лермонтов пишет стихотворение «Мой демон», которое позднее, в 1830–1831 годах, перерабатывает. Оно возникло под влиянием стихотворения Пушкина «Демон» (1823 г.), напечатанного в «Мнемозине» в 1824 году под заглавием «Мой демон».

Во II редакции (начала 1830 года) делается попытка раскрыть образ героини, сообщаются сведения о ее прошлом, есть намек на место действия (монахиня сидит с испанской лютней в руках).

Тетрадь XI (ИРЛИ, оп.1, № 11) на л. 18 об. содержит любопытную запись Лермонтова 1831 года: «Мемоr: написать длинную сатирическую поэму: приключения демона». Эта запись, предшествующая черновым наброскам третьей редакции «Демона» в той же тетради (на л. 30 об.), свидетельствует, что, приступая к очередной переработке поэмы, поэт хотел дать новую трактовку образа Демона (этот замысел был осуществлен много позднее, в «Сказке для детей», где тема Демона разработана иронически, на основе реального материала петербургской жизни).

В III редакции (1831 года) история героини якобы извлекается из пыльного

пергамена, найденного каким-то странником, вводится «Песнь монахини», впервые дается диалог «Зачем мне знать твои печали», исключенный поэтом только из текста последней редакции. Тексту поэмы предшествует посвящение («Прими мой дар, моя мадона!») и эпитафия из драматической мистерии Байрона «Каин».

Одновременно поэт разрабатывает демоническую тему в поэмах «Азраил» и «Ангел смерти».

В том же 1831 году Лермонтов набрасывает семь строк IV редакции «Демона», изменив стихотворный размер (четырёхстопный ямб заменяется пятистопным). Эта редакция остается незавершенной. В приписке к ней поэт выражает чувство неудовлетворенности своими поэтическими пробами: «Я хотел писать эту поэму в стихах: но нет. – В прозе лучше». В конце этого года или же в 1832 году Лермонтов принимается за большой социально-исторический роман в прозе из эпохи пугачевского восстания с демонической личностью главного героя – горбуна Вадима.

К 1832 году относится запись сюжета, не осуществленного, впрочем, Лермонтовым:

«Демон. Сюжет . Во время пленения евреев в Вавилоне (из Библии). Еврейка; отец слепой; он в первый раз видит ее спящую. Потом она поет отцу про старину и про близость ангела; и проч. как прежде. Евреи возвращаются на родину – ее могила остается на чужбине».

В 1833–1834 годах Лермонтов возвращается к III редакции «Демона», отбрасывает эпитафию и посвящение, углубляет характеристику своего героя и дополняет пейзажные зарисовки. Это была V редакция поэмы.

Наиболее основательной, капитальной переработке подверглась поэма по возвращении поэта из первой ссылки. Общение с кавказской природой, знакомство с поэтическим миром кавказских народных преданий помогают ему внести реалистические элементы в старый романтический замысел. Появляется VI редакция поэмы (так называемая первая кавказская редакция), датированная 8 сентября 1838 года. Если в ранних редакциях действие происходит вне определенного места и времени, в нереальной обстановке (можно только догадываться, что где-то на юге, на берегу моря), то теперь события развиваются на Кавказе; яркими красками обрисовываются феодальный быт Грузии, ее природа; бледная фигура безымянной монахини заменяется страстным, мятежным образом грузинской княжны Тамары. Под влиянием грузинской народной легенды о любви горного духа к земной девушке изменяется и сюжет: соперником Демона является не Ангел, а жених Тамары, молодой князь, «властитель Синодала» (см.: Ираклий Андроников. Лермонтов. Изд. «Советский писатель», М., 1951, стр. 122–129, 138–139, 176–179). Поэма сопровождается посвящением («Я кончил – и в груди невольное сомненье...»).

Потерпев неудачу с печатанием драмы «Маскарад», поэт сознавал, насколько трудно будет провести через цензуру его вольнолюбивую поэму. В

том же году (вероятно, по совету А. Н. Муравьева) он подвергает ее новой переработке. Так появляется VII редакция (4 декабря 1838 года). Во вторую часть поэмы вводится клятва Демона, знаменующая стремление его к добру, к примирению с небом. Переделке подверглось изображение мертвой Тамары, причем был исключен смелый стих, особенно пленявший Белинского: «...с небом гордая вражда». Однако в этой, VII, редакции Тамара после смерти всё еще остается во власти Демона. Так как поэма готовилась к печати, то посвящение, носившее интимный характер, было снято. Произведение получило подзаголовок: «Восточная повесть».

В этих двух редакциях 1838 года Лермонтов читает свою поэму друзьям. С нею знакомится В. А. Жуковский, отметивший в своем дневнике 24 октября 1839 года: «Поездка в Петербург с Вьельгорским по железной дороге. Дорогою чтение „Демона“» (Дневники В. А. Жуковского. СПб., 1903, стр. 508).

Несмотря на изменения, сделанные по цензурным соображениям, поэт не надеялся добиться напечатания поэмы полностью и хотел ограничиться опубликованием в «Отеч. записках» отрывков из нее. Это видно из письма А. А. Краевского к И. И. Панаеву от 10 октября 1839 года: «Лермонтов отдал бабам читать своего „Демона“, из которого хотел напечатать отрывки, и бабы чорт знает куда дели его; а у него уж разумеется нет чернового; таков мальчик уродился!» (И. И. Панаев. Литературные воспоминания. Изд. «Academia», М–Л., 1928, стр. 310).

Дуэль с Барантом и последовавшая затем ссылка помешали Лермонтову осуществить свое намерение. В последний приезд в Петербург в начале 1841 года его надежды на печатание поэмы снова ожили в связи с чтением «Демона» при дворе наследника (см.: «Лит. наследство», т. 45–46, 1948, стр. 681). Прежде чем изготовить список для этого чтения, поэт еще раз переработал поэму. Был выпущен диалог «Зачем мне знать твои печали», который явился бы камнем преткновения для цензуры, и изменена концовка. В этой редакции поэма завершается спасением души Тамары; побежденный Демон проклинает «мечты безумные свои». Однако Демон попрежнему остается дерзким, мятежным и надменным врагом неба. Это была последняя, по счету VIII, редакция поэмы.

Вследствие неблагоприятных обстоятельств, сложившихся к концу пребывания Лермонтова в Петербурге, он решил отложить печатание «Демона» до более удобного момента. Перед отъездом на Кавказ поэт передал автограф поэмы на хранение А. П. Шан-Гирею, сказав ему: «А» Демона» мы печатать погодим, оставь его пока у себя» (А. П. Шан-Гирей. М. Ю. Лермонтов. Приложение к «Запискам» Е. А. Сушковой. Изд. «Academia». Л., 1928, стр. 388). Этот автограф по смерти Лермонтова был передан Шан-Гиреем Д. А. Столыпину, брату А. А. Столыпина-Монго. Так называемый «придворный» список остался в личной библиотеке наследника. В 1856 году обе рукописи оказались в распоряжении первого издателя полного текста «Демона», А. И. Филоsoфова (см. выше).

Лермонтов, несомненно, был хорошо знаком с обработками легенд о дьяволе в творчестве Мильтона, Байрона, Мура, Гёте, А. де-Виньи и других, однако история создания этой поэмы свидетельствует о том, что она возникла

как произведение самобытное, связанное самым тесным образом с русской общественной жизнью того времени. В поэме «Демон» Лермонтов выразил не только свои личные настроения, но и протестующие настроения своего поколения, – поколения нарождавшейся русской революционно-демократической интеллигенции, возглавлявшейся Белинским. Поэтому неудивительно, что «драма, развивающаяся в поэме между мифическими существами, имела для Белинского совершенно реальное содержание как биография или мотив из жизни действительного лица» (П. В. Анненков. Литературные воспоминания. Изд. «Academia», Л., 1928, стр. 249).

Еще при жизни Лермонтова, в начале 1841 года (в статье о «Стихотворениях М. Лермонтова»), Белинский дает восторженный отзыв о «Демоне»: «Как жаль, что не напечатана другая поэма Лермонтова, действие которой совершается тоже на Кавказе и которая в рукописи ходит в публике, как некогда ходило „Горе от ума“: мы говорим о „Демоне“. Мысль этой поэмы глубже и несравненно зреее, чем мысль „Мцыри“, и хотя исполнение ее отзывается некоторою незрелостью, но роскошь картин, богатство поэтического одушевления, превосходные стихи, высота мыслей, обаятельная прелесть образов ставят ее несравненно выше „Мцыри“ и превосходят всё, что можно сказать в ее похвалу» (Белинский, т. 6, стр. 60).

Позднее, в письме к В. П. Боткину от 17 марта 1842 года, Белинский, называя поэму «детским, незрелым» и в то же время «колоссальным созданием», писал, что содержание ее, «добытое со дна глубочайшей и могущественнейшей натуры, исполинский взмах, демонский полет – с небом гордая вражда», и в заключение говорил взволнованно: «„Демон“ сделался фактом моей жизни, я твержу его другим, твержу себе, в нем для меня – миры истин, чувств, красот» (Письма, т. 2, стр. 284–285).

И Боткин писал в ответ Белинскому: «Да, пафос его („Демона“), как ты совершенно справедливо говоришь, есть „с небом гордая вражда“. Другими словами, отрицание духа и мирозерцания, выработанного средними веками, или, еще другими словами – пребывающего общественного устройства» (А. Н. Пыпин. Белинский, его жизнь и переписка, т. 2, СПб., 1876, стр. 144).

«Демон» был воспринят современниками как истинно великое поэтическое произведение, как призыв к свободе, к борьбе за права человеческой личности, как смелый протест против «пребывающего общественного устройства», против жестокой николаевской действительности, «где преступления лишь да казни». Поэма в тысячах списков разошлась по России. Вот свидетельство одного из современников Лермонтова об огромном успехе ее, особенно среди молодежи: «Все мы помним, какое громадное, потрясающее впечатление производила эта поэма во время нашей молодости, лет двадцать тому назад. Вся читающая Россия знала ее наизусть...» (В. Р. Зотов. «Демон», поэма Лермонтова. «Северное сияние», т. 2, СПб., 1863, стр. 92).

Исследователи неоднократно указывали на встречающиеся в «Демоне», особенно в ранних редакциях, перефразировки из стихотворного наследия Пушкина. К числу таких перефразировок принадлежат, например, стихи в первой и последующих редакциях поэмы:

И лучших дней воспоминанья
Чредой теснились перед ним...

ср. у Пушкина в «Кавказском пленнике»:

И лучших дней воспоминанье
В увядшем сердце заключил.

Стихи VI и VIII редакций ср. тоже со стихами из «Кавказского пленника»:

Таил в молчаньи он глубоком
Движенья сердца своего,
И на челе его высоком
Не изменялось ничего.

Заключительные стихи второго посвящения к I редакции поэмы

И вот печальные мечты,
Плоды душевной пустоты!..

ср. со стихами из стихотворения Пушкина «Я пережил свои желанья»:

Я разлюбил своя мечты;
Остались мне одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

Стихи I редакции и II редакции

Всё оживилось в нем, и вновь
Погибший ведает любовь

ср. со стихами в «Полтаве»:

Но чувства в нем кипят
Мазепа ведает любовь.

Стихи V редакции

Вокруг него ряды крестов,
Немые сторожи гробов,
Как стадо летом пред грозой,
Пестрея жмутся меж собою...

ср. со стихами из «Пира во время чумы»:

И могилы меж собой,
Как испуганное стадо,
Жмутся тесной чередой.

Стих последней редакции

Я вяну, жертва злой отравы!

ср. со стихом из стихотворения Пушкина «Война»:

Я таю, жертва злой отравы.

И т. д.

См. также примечания к I–VI редакциям «Демона».

В стихах

И мыслит он: «То горный дух
Прикованный в пещере стонет!»

Лермонтов отразил народные грузинские и осетинские легенды о горном духе Амирани, подобно Прометею принесшем огонь с неба. В некоторых легендах Амирани борется с небом за справедливость на земле (см.: Ираклий Андроников. Лермонтов. Изд. «Советский писатель», М., 1951, стр. 129–131).

Приложение. Ранние редакции «Демона»

Редакция I <Демон> <1829 год>

<1.> Посвящение

Я буду петь, пока поется,
Пока волненья позабыл,
Пока высоким сердце бьется,
Пока я жизнь не пережил,
В душе горят, хотя безвестней,
Лучи небесного огня,
Но нежных и веселых песней,
Мой друг, не требуй от меня...
Я умер. Светлых вдохновений
Забыта мною сторона

Давно. Как скучен день осенний,
Так жизнь моя была скучна;
Так впечатлений неприятных
Душа всегда была полна;
Поныне о годах развратных
Не престаёт скорбеть она.

<2.> Посвящение

Я буду петь, пока поется,
Пока, друзья, в груди моей
Ещё высоким сердце бьется
И жалость не погибла в ней.
Но той веселости прекрасной
Не требуй от меня напрасно,
И юных гордых дней, поэт,
Ты не вернешь: их нет как нет;
Как солнце осени суровой,
Так пасмурна и жизнь моя;
Среди людей скучаю я:
Мне впечатление не ново...
И вот печальные мечты,
Плоды душевной пустоты!..

—

Печальный демон, дух изгнания,
Блуждал под сводом голубым,
И лучших дней воспоминанья
Чредой теснились перед ним,
Тех дней, когда он не был злым,
Когда глядел на славу бога,
Не отвращаясь от него;
Когда сердечная тревога
Чуждалась души его,
Как дня боится мрак могилы.
И много, много... и всего
Представить не имел он силы...

—

(Демон узнает, что ангел любит одну смертную, демон узнает и обольщает ее, так что она покидает ангела, но скоро умирает и делается духом ада. Демон обольстил ее, рассказывая, что Бог несправедлив и проч. свою ист<орию>).

—

Любовь забыл он навсегда.
Коварство, ненависть, вражда
Над ним владычествуют ныне...
В нем пусто, пусто: как в пустыне.
Смертельный след напечатлен
На том, к чему он прикоснется,
И говорят, что даже он
Своим злодеяниям не смеется,
Что груды гибнущих людей
Не веселят его очей...
Зачем же демон отверженья
Роняет посреди мученья
Свинцовы слезы иногда,
И им забыты на мгновенье
Коварство, зависть и вражда?..

—

Демон влюбляется в смертную (монахиню), и она его наконец любит, но демон видит ее ангела хранителя и от зависти и ненависти решается погубить ее. Она умирает, душа ее улетает в ад, и демон, встречая ангела, который плачет с высот неба, упрекает его язвительной улыбкой.

—

Угрюмо жизнь его текла,
Как жизнь развалин. Бесконечность
Его тревожить не могла,
Он хладнокровно видел вечность,
Не зная ни добра, ни зла,
Губя людей без всякой нужды.
Ему желанья были чужды,
Он жег печатью роковой
Того, к кому он прикасался,
Но часто демон молодой
Своим злодеяниям не смеялся.
Таков осеннею порой
Среди долины опустелой
Один чернеет пень горелый.
Сражен стрелою громовой,
Он прямо высится главой
И презирает бурь порывы,
Пустыни сторож молчаливый.

—

Боясь лучей, бежал он тьму,
Душой измученною болен.
Ничем не мог он быть доволен:
Всё горько сделалось ему,
И всё на свете презирая,
Он жил, не веря ничему
И ничего не принимая.

В полночь, между высоких скал,
Однажды над волнами моря
Один, без радости, без горя
Беглец эдема пролетал
И грешным взором созерцал
Земли пустынные равнины.
И зрит, чернеет над горой
Стена обители святой
И башен странные вершины.
Меж низких келий тишина,
Садится поздняя луна,
И в усыпленную обитель
Вступает мрачный искуситель.
Вот тихий и прекрасный звук,
Подобный звуку лютни, внемлет...
И чей-то голос... Жадный слух
Он напрягает. Хлад объемлет
Чело... он хочет прочь тотчас.
Его крыло не шевелится,
И странно—из потухших глаз
Слеза свинцовая катится...

Как много значил этот звук:
Мечты забытых упоений,
Века страдания и мук,
Века бесплодных размышлений,
Всё оживилось в нем, и вновь
Погибший ведает любовь.

М<онахиня>

О чем ты близ меня вздыхаешь,
Чего ты хочешь получить?
Я поклялась давно, ты знаешь,
Земные страсти позабыть.
Кто ты? Мольба моя напрасна.

Чего ты хочешь?..

Д<емон>

Ты прекрасна.

М<онахиня>

Кто ты?

Д<емон>

Я демон. Не страшись...
Святыни здешней не нарушу...
И о спасеньи не молись,
Не искусить пришел я душу;
Сгорая жаждою любви,
Несу к ногам твоим моления,
Земные первые мученья
И слезы первые мои.

Примечания

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 3 (тетрадь III). лл. 10–14 об.

Впервые опубликована, с неточностями, в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 29–33).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради III, содержащей произведения этого года.

Редакция II Демон <Начало 1830 года>

1

Печальный Демон, дух изгнания,
Блуждал под сводом голубым,
И лучших дней воспоминанья
Чредой теснились перед ним.
Тех дней, когда он не был злым,
Когда глядел на славу бога,
Не отвращаясь от него;

Когда заботы и тревога
Чуждались ума его,
Как дня боится мрак могилы...
И много, много... и всего
Представить не имел он силы.

В изгнании жизнь его текла,
Как жизнь развалин. Бесконечность
Его тревожить не могла.
<Он равнодушно видел вечность,>
Не зная ни добра, ни зла,
Губя людей без всякой нужды.
Ему желанья были чужды.
Он жег печатью роковой
Всё то, к чему он прикасался;
И часто Демон молодой
Своим злодействам не смеялся.
Боясь лучей, бежал он тьму.
Душой измученною болен,
Ничем не мог он быть доволен.
Всё горько сделалось ему,
И, всё на свете презирая,
Он жил, не веря ничему
И ничего не признавая.

2

В полночь, между холодных скал,
Однажды над волнами моря
Один, без радости, без горя,
Беглец Эдема пролетал
И грешным взором созерцал
Земли пустынные равнины,
И зрит: белеют под горой
Стена обители святой
И башен странные вершины.
Меж бедных келий тишина.
Садится поздняя луна;
И в усыпленную обитель
Вступает мрачный искушитель.
<Вдруг> тихий и прекрасный звук,
<Подобн>ый звуку лютни, внемлет,
И чей-то голос. Жадный слух

Он напрягает. Хлад объемлет
Чело... Он хочет прочь тотчас –
Его крыло не шевелится.
И – чудо! – из померкших глаз
Слеза свинцовая катится.

3

Как много значит этот звук!
Века минувших упоений,
Века изгнания и мук,
Века бесплодных размышлений,
Всё оживилось в нем, но вновь
Ужель узнает он любовь?
Тому не быть: так если мчится
Сын ливня в поле мутный ключ,
И солнца полумертвый луч
На нем случайно отразится,
Он лишь мгновенно озарит,
А мутных вод не просветит.

Влетает в келью дух смущенный.
Украдкою, как некий вор,
Минует образ позлащенный,
Со страхом отвращает взор,
Он зрит божественные книги,
Лампаду, четки и вериги.
Но где же звуки? где же та,
К которой сильная мечта
Его влечет?..
Облокотившись,
С испанской лютнею *она*
Сидела молча у окна,
И кудри черные, скатившись
На веки нежные очей,
Служили покрывалом ей.
Исполнена какой-то думой,
Младая волновалась грудь.
Вот поднялась. На свод угрюмый
Она задумала взглянуть.
Как звезды омраченной дали,
Глаза монахини сияли,
Как неба утра облака,

Ее лилейная рука
Была пленительна; и струны
Согласно вздрогнули под ней.

Угрюм, как ночи мрак безлунный,
Потупя взгляд своих очей,
Окованный ее игрою,
Стоял злой дух. Ему любить
Не должно сердца допустить.
Он связан клятвой роковою.
(И эту клятву молвил он,
Когда блистающий Сион
Оставил с гордым сатаною).

.....
Он искусить хотел – не мог,
Не находил в себе искусства;
Забыть – забвенья не дал бог,
Любить – недоставало чувства;
Хотя он для любви готов
Оставить полк своих духов
И без могущества, без силы
Скитаться посреди миров,
Как труп вампира, из могилы
Исторгшись, бродит меж людей
Страшилищем немых ночей...

Легок, как падающий снег
По ветру средь зимы холодной,
Мой Демон, волею свободный,
Летучий направляет бег –
Прочь-прочь от места, где впервые
Земные слезы уронил,
Нарушил клятвы роковые
И князя бездны раздражил,
Но прелесть звуков и виденья
Остались на душе его,
И в памяти сего мгновенья
Уж не загладит ничего.

Но кто ж *она* ? Зачем сокрыта
В пустыне, меж высоких стен?

Иль это добровольный плен,
И ею радость позабыта?
Иль краска черная одежд
С ее душой была согласна?
Ее история ужасна,
Как вспоминанье без надежд.
Она отца и мать не знала,
И люльку детскую ее
Старушка чуждая качала...
Но это ль бедное житье,
Любовь ли сердце испугала,
Опасность ли – о том узнать
Никто не думал испытать.
.....

Как часто дева у окошка
Взирала на берег морской.
Печаль ее хотя немножко
В то время делалась живой.
На море вихри бушевали
И волны синие вставали;
В расселинах стены крутой
Протяжный раздавался вой;
А дева – взор ясней лазури –
При шуме капель дождевых
Согласовала с воем бури
Игру печальных струн своих.
Но с той минуты, как нечистый
К ней приходил в ночи тенистой,
Она молиться уж нейдет
И не играет, не поет,
Ей колокола звон противен,
В ней кроется холодный яд,
Ни моря шум, ни ветер, ни ливень
Мечты как было не родят.

5

И бедный Демон удалился
От силы адской с этих пор.
Он на хребет далеких гор
В ледяный грот переселился,
Где под снегами хрустали

Корой огнистою легли,
Природы дивные творенья.
Ее причудливой игры
Он наблюдает измененья.
Составя светлые шары,
Он их по ветру посылает,
Велит им путнику блеснуть
И над болотом освещает
Заглохший, неезжанный путь.
Когда метель гудет и свищет,
Он охраняет прошлеца,
Сдувает снег с его лица
И для него защиту ищет...
И часто прежней пустоты
Он слышит муки. Красоты
Волшебной стан пред ним летает;
И пламя новое мечты
Его крылами обнимает.
Изгнанник помнит свет небес,
Огни потерянного рая;
Тоской неистойвой сгорая,
Он зажигает темный лес,
Любуясь на пожар трескучий.
Скалы на корне вековом
Срывая, как неожиданный гром,
Свергает вниз рукой могучей –
И гул подъемлется кругом.
Но уж не то его тревожит,
Что прежде; тот железный сон
Прошел – любить он может – может –
И в самом деле любит он.
И хочет в путь опять пускаться,
Чтоб с милой девой повидаться,
Чтоб раз ей в очи поглядеть
И не возвратно улететь...

6

Едва блестящее светило
На небо юное вошло
И моря синее стекло
Лучами утра озарило,
Как Демон видел пред собой

Стену обители святой,
Где полразрушенная келья
Так много милого хранит.
Полетом он туда спешит.
Но нет в душе его веселья.
Какой-то непонятный страх
В ледяных светится глазах.
Вот дверь простая перед ними.
Томяся муками живыми,
Он долго медлил; он не мог
Переступить через порог,
Как будто бы он там погубит,
Что на минуту отдал рок...

.....

Теперь лишь видно, что он любит!
Теперь лишь признаки любви:
Волнение надежд несмелых
И пламень неземной крови
Видны в чертах окаменелых!..

7

Он в келье. Но зачем же он
Не привлечет ее вниманья?
Зачем не пьет ее дыханья?
Не вздох любви – могильный стон,
Как эхо, из груди разбитой
Протяжно вышел наконец.
И сердце кровию облито
Отяжелело, как свинец.
Его рука остановилась
На воздухе. Сведенный перст
Оледенел. Хоть взор отверзт:
В нем ничего не отразилось
Кроме презренья – но к чему?
Что показалось ему?

8

Посланник рая, ангел нежный,
В одежде дымной, белоснежной,

Стоял с блистающим челом
Вблизи монахини прекрасной
И от врага с улыбкой ясной
Приосенил ее крылом.
Они счастливы, святы оба!
И – мщенье, ненависть и злоба
Взыграли демонской душой.
Он вышел твердою стопой.
Он вышел. Сколько чувств различных,
С давнишних лет ему привычных,
В душе теснятся! Сколько дум
Меняет беспокойный ум!..
Красавице погибнуть надо.
Ее не пощадит он вновь,
Погибнет – прежняя любовь
Не будет для нее оградой!..

9

Как жалко! Он уже хотел
На путь спасенья возвратиться,
Забыть толпу недобрых дел,
Позволить сердцу оживиться.
Творцу природы, может быть,
Внушил бы Демон сожаленье,
И благодатное прощенье
Ему б случилось получить.
Но поздно! Сын безгрешный рая
Вдруг разбудил мятежный ум.
Кипит он, ревностью пылая,
Явилась снова воля злая
И яд преступных, черных дум.
И вот, облекшись в образ томный,
Обманчивый он принял вид,
Он юноша печальный, скромный,
Какой-то тенью взор облит.
Его опущенные крылья
Объяты участью бессилья.
На голове венец золотой
Померкнул и покрылся мглой.

Он ждет, у стен святых блуждая.
Когда останется одна

Его монахиня молодая;
Когда нескромная луна
Взойдет, пустыню озаряя.
Он ожидает час глухой,
Текущий под ночью мглой,
Час тайных встреч и наслаждений
И незаметных преступлений.
Он к ней прокрадется туда,
Среди обители уснувшей;
И там погубит навсегда
Предмет любви своей минувшей!

10

Лампада в келье чуть горит.
Лукавый с девою сидит.
И дрожь и страх ее объемлет,
Она, как смерть бледнея, внемлет.

Она

Земные страсти позабыть
Я поклялась давно, ты знаешь.
К чему ж теперь меня смущаешь?
Чего ты хочешь получить?
О! кто ты? – речь твоя опасна!
Чего ты хочешь?..

Дух

Ты прекрасна!

Она

Кто ты?

Дух

Я демон, не страшись:
Святыни здешней не нарушу.
И о спасеньи не молись,
Не искусить пришел я душу.
К твоим ногам, томясь в любви,

Несу покорные моления,
Земные первые мученья
И слезы первые мои!
Не расставлял я людям сети
С толпою грозной злых духов:
Брожу один среди миров
Несметное число столетий.
Не выжимай из груди стон,
Не отгоняй меня укором:
Несправедливым приговором
Я на изгнание осужден.
Не зная радости минутной,
Живу над морем и меж гор,
Как перелетный метеор,
Оставлен всеми, бесприютный...
И слишком горд я, чтоб просить
У бога вашего прощенья.
Я полюбил мои мученья
И не могу их разлюбить.
Но ты, ты можешь оживить
Своей любовью непритворной
Мою томительную лень
И жизни скучной и позорной
Непролетающую тень!..

11

В часы суровой непогоды
В осенний день, когда меж скал
Пенясь, крутясь, шумели воды,
Восточный ветер бушевал,
И тучи серыми рядами
Перебегали небесами;
Зловещий колокола звон,
Как умирающего стон,
Раздался глухо над волнами.
К чему манит отшельниц он?..
Не на молитву поспешали
В обширный и высокий храм,
Не двум счастливым женихам
Свечи дрожащие пылали:
В середине церкви мех звучал,
И катафалк блестел прекрасный,

На нем богатый гроб стоял,
В гробу мертвец лежал безгласный;
Зачем не слышен плач родных
И не видать во храме их?
И кто мертвец? Едва приметный
Остаток прежней красоты
Являют мертвые черты.
Уста закрытые бесцветны.
И в сердце томной страсти яд
Ее глаза не поселят,
Хотя еще весьма недавно
Они владели над душой,
Неугомонной, своенравной,
В борьбе безумной и неравной
Не знавшей власти над собой.

За час до горестной кончины
Духовника на миг единый
Младая дева призвала:
Желанья, добрые дела
И запрещенные деянья
Открыть с слезами покаянья.
Пришел исповедник. Но вдруг
Его безумный хохот встретил.
Он на лице ее заметил
Борение последних мук,
Припадки судорог ужасных.
Он разобрал в речах неясных:
«Ты!.. Демон!.. о!.. коварный друг!..
Своими сладкими речами...
Ты... бедную... заморозил...
Ты был любим и не любил,
Ты б мог спастись, а погубил...
Проклятье сверху, мрак под нами!»
Но кто безжалостный злодей,
Тогда не понял старец честный,
И жизнь монахини моей
Осталась людям неизвестной.

С тех пор промчалось много лет.
Пустела тихая обитель,

И время, общий разрушитель,
Смывало постепенно след
Высоких стен. И храм священный
Добычей бури и дождей
Соделался. Между дверей
Вздыхая ходит ветер не пленный.
Внутри на ликах расписных,
На утвари позолоченной
И средь расселин стен седых
Большой паук, пустынный новый,
Кладет нитей своих основы.
Сбегаючи со скал крутых,
Ища приют от непогоды,
Случалось, лань, дитя свободы,
Входила в кельи; – и – порой
Стола нескромное паденье
Среди развалины глухой
Вдруг приводило в удивленье
Ее – но нынче ничему
Нельзя встревожить тишину.
Что может падать, то упало,
Что мрет, то умерло давно;
Что живо, то бессмертно стало;
Но время вживе удержало
Воспоминание одно...

И море пенится и злится,
И сильно плещет и шумит,
Когда волнами устремится
Обнять береговой гранит;
Он вдался в море одиноко;
На нем чернеет крест высокой;
Всегда скалой отражены,
Струи белятся пеной вольной,
Волна теснится у волны,
И слышен ропот своевольный,
И удаляются толпой,
Другим предоставляя бой.

Над тем крестом, над той скалою
Однажды утренней порою

С глубокой думою стоял
Дитя Эдема, ангел мирный;
И слезы молча утирал
Своей одеждою сапфирной.
И кудри мягкие как лен
С главы венчанной упали,
И крылья легкие как сон
За белыми плечьями сияли;
Стан тонкий свеж и прям: таков
Зеленый кипарис садов.

.....
.....

Вот тихо над крестом склонился.
Казалось, будто он молился
За душу девы молодой.
Увы! Напрасные моления,
Ее страстям уж нет прощенья...

Тогда над синей глубиной
Дух гордости и отверженья
Летел с вершины диких гор,
Как будто прелести творенья
Непозволительный укор.
Как свод безлучный в день осенний,
Был мрачен искуститель гений.
Он близ могилы промелькнул
И, тусклый, мертвый взор кидая,
Посла потерянного рая
Улыбкой горькой упрекнул...

(Конец)

Примечания

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), лл. 2–10 об. Текст «Демона» в тетради IV представляет собою два слоя, из которых ранний дает II редакцию, а поздний, явившийся в результате поправок, – III редакцию. Здесь печатается нижний, первоначальный его слой, являющийся беловым текстом II редакции (начала 1830 года). Переработанный Лермонтовым в 1831 году, этот текст со всеми изменениями и наслоениями, возникшими в результате его переработки, является уже черновиком III редакции поэмы (см. примечания и варианты к тексту III редакции). Стих 16, отсутствующий в тексте 1830 года и,

вероятно, пропущенный при переписке поэмы, вставлен из текста 1831 года.

II редакция «Демона» впервые опубликована Н. Ф. Бабушкиным, с неточностями, по тетради IV в «Трудах Самаркандского Гос. педаг. института им. А. М. Горького», т. 4 (Самарканд, 1942, стр. 112–122); им же, в более исправном виде – в «Ученых записках Томского Гос. университета им. В. В. Куйбышева», вып. 16 (Томск, 1951, стр. 41–48). См. также примечания к III редакции.

В автографе – позднейшая помета Лермонтова в скобках, относящаяся к тексту II редакции: «Писано в пансионе в начале 1830 года».

Редакция III Демон (поэма) 1831 год

Посвящение

Прими мой дар, моя мадона!
С тех пор как мне явилась ты,
Моя любовь мне оборона
От порицаний клеветы.

Такой любви нельзя не верить,
А взор не скроет ничего:
Ты не способна лицемерить,
Ты слишком ангел для того!

Скажу ли? – предан самовластью
Страстей печальных и судьбе,
Я счастьем не обязан счастью,
Но всем обязан я – тебе.

Как демон, хладный и суровый,
Я в мире веселился злом,
Обманы были мне не новы,
И яд был на сердце моем;

Теперь, как мрачный этот Гений,
Я близ тебя опять воскрес
Для непорочных наслаждений,
И для надежд, и для небес.

Cain. Who art thou?
Lucifer. Master of spirits.
Cain. And being so, canst thou
Leave them, and walk with dust!
Lucifer. I know the thoughts
Of dust, and feel for it, and with you.
L. Byron. Cain.⁸

Печальный демон, дух изгнания,
Блуждал под сводом голубым,
И лучших дней воспоминанья
Чредой теснились перед ним;
Тех дней, когда он не был злым,
Когда глядел на славу бога,
Не отвращаясь от него,
Когда заботы и тревога
Чуждались ума его,
Как дня боится мрак могилы;
И много, много... и всего
Припомнить не имел он силы.

Уныло жизнь его текла
В пустыне Мира. Бесконечность
Жилище для него была.
Он равнодушно видел вечность,
Не зная ни добра, ни зла,
Губя людей без всякой нужды.
Ему желанья были чужды.
Он жег печатью роковой
Всё то, к чему ни прикасался!..
И часто демон молодой
Своим злодействам не смеялся.
Страшась лучей, бежал он тьму;
Душой измученною болен,
Ничем не мог он быть доволен,
Всё горько сделалось ему;
И, всё на свете презирая,

Каин . Кто ты?

Люцифер . Властелин духов.

Каин . Но если так, можешь ли ты

Покидать их и пребывать с смертными?

Люцифер . Я знаю мысли

Смертных и сочувствую им, и заодно с вами.

Он жил, не веря ничему
И ничего не признавая.

.....

Однажды, вечером, меж скал
И над седой равниной моря,
Без дум, без радости, без горя,
Беглец Эдема пролетал
И грешным взором созерцал
Земли пустынные равнины,
И зрит: белеет под горой
Стена обители святой
И башен странные вершины.
Меж бедных келий тишина;
Встает багровая луна;
И в усыпленную обитель
Вступает мрачный искушитель.
Вдруг тихий и прекрасный звук,
Подобный звуку лютни, внемлет,
И чей-то голос. Жадный слух
Он напрягает: хлад объемлет
Чело. Он хочет прочь тотчас:
Его крыло не шевелится;
И – чудо! – из померкших глаз
Слеза свинцовая катится.
Поныне возле кельи той
Насквозь прожженный виден камень
Слезой жаркою, как пламень,
Нечеловеческой слезой.

Как много значил этот звук!
Века минувших упоений,
Века изгнания и мук,
Века бесплодных размышлений,
Всё оживилось в нем опять.
Но что ж? Ему не воскресать
Для нежных чувств. Так, если мчится
По небу летнему порой
Отрывок тучи громовой,
И луч случайно отразится
На сумрачных краях, она
Тот блеск мгновенный презирает
И путь неверный продолжает
Хладна, как прежде, и темна.

Проникнул в келью дух смущенный.
Со страхом отвращает взор,
Минуя образ позлащенный,
Как будто видя в нем укор.
Он зрит божественные книги,
Лампаду, четки и вериги;
Но где же звуки? где же та,
К которой сильная мечта
Его влечет?
Она сидела
На ложе, с лютнею в руках,
И песню гор играя пела.
И, мнилось, всё в ее чертах
Земной беспечностью дышало;
И кольца русые кудрей
Сбегали, будто покрывало,
На веки нежные очей.
Исполнена какой-то думой
Младая волновалась грудь...
Вот поднялась; на свод угрюмый
Она задумала взглянуть:
Как звезды омраченной дэли,
Глаза монахини сияли;
Ее лилейная рука,
Бела, как утром облака,
На черном платье отделялась,
И струны отвечали ей
Что дальше, то сильнее, сильнее.
Тоской раскаянья, казалось,
Была та песня сложена!
Меж тем, как путник любопытный,
В окно, участием полна,
На деву, жертву грусти скрытной,
Смотрела ясная луна!..

Окован сладостной игрою
Стоял злой дух. Ему любить
Не должно сердца допустить:
Он связан клятвой роковою;
(И эту клятву молвил он,
Когда блистающий Сион
Оставил с гордым сатаною).
Он искушать хотел, – не мог,
Не находил в себе искусства;
Забить? – забвенья не дал бог;

Любить? – доставало чувства!
Что делать? – новые мечты
И чуждые поныне муки!
Так, демон, слыша эти звуки,
Чудесно изменился ты.
Ты плакал горькими слезами,
Глядя на милый свой предмет,
О том, что цепь лежит меж вами,
Что пламя в мертвом сердце нет;
Когда ты знал, что не принудит
Его минута полюбить,
Что даже скоро, может быть,
Она твоею жертвой будет.

И удалиться он спешил
От этой кельи, где впервые
Нарушил клятвы неземные
И князя бездны раздражил;
Но прелесть звуков и виденья
Осталась на душе его,
И в памяти сего мгновенья
Уж не изгладит ничего.

.....

Спустя сто лет пергамент пыльный
Между развалин отыскал
Какой-то странник. Он узнал,
Что это памятник могильный;
И с любопытством прочитал
Он монастырские преданья
О жизни девы молодой,
И им поверил, и порой
Жалел об ней в часы мечтанья.
Он перевел на свой язык
Рассказ таинственный, но свету
Не передам я повесть эту:
Ценить он чувства не привык!

.....

Печальный демон удалился
От силы адской с этих пор.
Он на хребет далеких гор
В ледяный грот переселился,
Где под снегами хрустали
Корой огнистою легли –

Природы дивные творенья!
Ее причудливой игры
Он наблюдает измененья.
Составя светлые шары,
Он их по ветру посылает,
Велит им путнику блеснуть
И над болотом освещает
Опасный и заглухший путь.
Когда метель гудет и свищет,
Он охраняет прошлеца;
Сдувает снег с его лица
И для него защиту ищет.
И часто подымая прах
В борьбе с летучим ураганом,
Одетый молнией и туманом
Он дико мчится в облаках,
Чтобы в толпе стихий мятежной
Сердечный ропот заглушить,
Спасти от думы неизбежной
И незабвенное – забыть!
Но всё не то его тревожит,
Что прежде. Тот железный сон
Прошел. Любить он может, может,
И в самом деле любит он;
И хочет в путь опять пускаться,
Чтоб с милой девой повидаться,
Чтоб раз ей в очи посмотреть
И невовратно улететь!

.....
.....

Едва блестящее светило
На небо юное взошло
И моря синее стекло
Лучами утра озарило,
Как демон видел пред собой
Стену обители святой,
И башни белые, и келью,
И под решетчатым окном
Цветущий садик. И кругом
Обходит демон; но веселью
Он недоступен. Тайный страх
В ледяных светится глазах.
Вот дверь простая перед ними.
Томяся муками живыми,

Он долго медлил, он не мог
Переступить через порог,
Как будто бы он там погубит
Всё, что еще не отнял рок.
О! как приметно, что он любит!
Всё тихо – вдруг услышал он
Давно знакомой лютни звон;
Слова певицы вдохновенной
Лились, как светлые струи;
Но не понравились они
Тому, кто с думой дерзновенной
Искал надежды и любви.

Песнь монахини

1

Как парус над бездной морской,
Как под вечер золотая звезда,
Явился мне ангел святой –
Не забуду его никогда.

2

К другой он летел иль ко мне,
Я напрасно б старалась узнать.
Быть может, то было во сне...
О! зачем должен сон исчезать?

3

Тебя лишь любила, творец,
Я поныне с младенческих дней,
Но видит душа наконец,
Что другое готовилось ей.

4

Виновна я быть не должна:
Я горю не любовью земной;
Чиста как мой ангел она,
Мысль об нем неразлучна с тобой!

5

Он отблеск величий твоих,
Ты украсил чело его сам.
Явился он мне лишь на миг, —
Но за вечность тот миг не отдам!

—

Умолкла. Ветер моря хладный
Последний звук унес с собой.
Непобедимою судьбой
Гонимый, демон безотрадный
Проникнул в келью. Что же он
Не привлечет ее вниманье?
Зачем не пьет ее дыханье?
Не вздох любви — могильный стон,
Как эхо, из груди разбитой
Протяжно вышел наконец;
И сердце яростью облито
Отяжелело, как свинец.
Его рука остановилась
На воздухе. Сведенный перст
Оледенел. Хоть взор отверст,
В нем ничего не отразилось
Кроме презренья. Но к кому?
Что показалось ему?

Посланник рая, ангел нежный,
В одежде дымной, белоснежной,
Стоял с блистающим челом
Вблизи монахини прекрасной
И от врага с улыбкой ясной
Приосенил ее крылом.
Они счастливы, святы оба!
И — зависть, мщение и злоба
Взыграли демонской душой.

Он вышел твердою ногой;
Он вышел – сколько чувств различных,
С давнишних лет ему привычных,
В душе теснится! сколько дум
Меняет беспокойный ум!
Красавице погибнуть надо,
Ее не пощадит он вновь.
Погибнет: прежняя любовь
Не будет для нее оградой!

Как жалко! он уже хотел
На путь спасенья возвратиться,
Забыть толпу преступных дел,
Позволить сердцу оживиться!
Творцу природы, может быть,
Внушил бы демон сожаленье
И благодатное прощенье
Ему б случилось получить.
Но поздно! сын безгрешный рая
Вдруг разбудил мятежный ум:
Кипит он, ревностью пылая,
Явилась снова воля злая
И яд коварных, черных дум.
Но впрочем, он перемениться
Не мог бы: это был лишь сон.
И рано ль, поздно ль, пробудиться
Навеки должен был бы он.
Успело зло укорениться
В его душе с давнишних дней:
Добро не ужилось бы в ней;
Его присвоить, им гордиться
Не мог бы демон никогда;
Оно в нем было бы чужое,
И стал бы он несчастней вдвое.
Взгляните на волну, когда
В ней отражается звезда;
Как рассыпаются чудесно
Вокруг серебристые струи!
Но что же? блеск тот – блеск небесный,
Не завладеют им они.
Их луч звезды той не согреет;
Он гаснет – и волна темнеет!

Злой дух недолго размышлял:
Он не впервые отомщал!

Он образ смертный принимает,
Венец чело его ласкает,
И очи черные горят,
И этот самый пламень – яд!

Он ждет, у стен святых блуждая,
Когда останется одна
Его монахиня молодая,
Когда нескромная луна
Взойдет, пустыню озаряя;
Он ожидает час глухой,
Текущий под ночью мглой,
Час тайных встреч и наслаждений
И незаметных преступлений.
Он к ней прокрадется туда,
Под сень обители уснувшей,
И там погубит навсегда
Предмет любви своей минувшей!

.....

Лампада в келье чуть горит.
Лукавый с девою сидит;
И чудный страх ее объемлет.
Она, как смерть бледнея, внемлет.

Она

Страстей волненья позабыть
Я поклялась давно, ты знаешь!
К чему ж теперь меня смущаешь?
Чего ты хочешь получить?
О, кто ты? – речь твоя опасна!
Чего ты хочешь?

Незнакомец

Ты прекрасна!

Она

Кто ты?

Незнакомец

Я демон! – не страшись:

Святыни здешней не нарушу!
И о спасеньи не молись –
Не искушать пришел я душу.
К твоим ногам, томясь в любви,
Несу покорные моления,
Земные первые мученья
И слезы первые мои!
Не расставлял я людям сети
С толпою грозной злых духов;
Брожу один среди миров
Несметное число столетий!
Не выжимай из груди стон,
Не отгоняй меня укором:
Несправедливым приговором
Я на изгнание осужден.
Не зная радости минутной,
Живу над морем и меж гор,
Как перелетный метеор,
Как степи ветер бесприютный!
И слишком горд я, чтоб просить
У бога вашего прощенья:
Я полюбил мои мученья
И не могу их разлюбить.
Но ты, ты можешь оживить
Своей любовью непритворной
Мою томительную лень
И жизни скучной и позорной
Непролетающую тень!

Она

На что мне знать твои печали,
Зачем ты жалуешься мне?
Ты виноват...

Незнакомец

Против тебя ли?

Она

Нас могут слышать...

Незнакомец

Мы одне!

Она

А бог?

Незнакомец

На нас не кинет взгляда!
Он небом занят, не землей.

Она

А наказанье, муки ада?

Незнакомец

Так что ж? – ты будешь там со мной!
Мы станем жить любя, страдая,
И ад нам будет стоять рая;
Мне рай – везде, где я с тобой!

Так говорил он; и рукою
Он трепетную руку жал
И поцелуями порою
Плечо девицы покрывал.
Она противиться не смела,
Слабела, таяла, горела
От неизвестного огня,
Как белый снег от взоров дня!

.....

В часы суровой непогоды,
В осенний день, когда меж скал
Пенясь, крутясь шумели воды,
Восточный ветер бушевал,
И темносерыми рядами
Неслися тучи небесами,
Зловещий колокола звон,
Как умирающего стон,
Раздался глухо над волнами.
К чему зовет отшельниц он?
Не на молитву поспешали
В обширный и высокий храм,
Не двум счастливым женихам

Свечи дрожащие пылали:
В середине церкви гроб стоял,
В гробу мертвец лежал безгласный,
И ряд монахинь окружал
Тот гроб с недвижностью бесстрастной.
Зачем не слышен плач родных
И не видать во храме их?
И кто мертвец? Едва приметный
Остаток прежней красоты
Являют бледные черты;
Уста закрытые бесцветны,
И в сердце пылкой страсти яд
Сии глаза не поселят,
Хотя еще весьма недавно
Владели бурною душой,
Неизъяснимой, своенравной,
В борьбе безумной и неравной
Не знавшей власти над собой.

За час до горестной кончины,
Когда сырая ночи мгла
На усыпленные долины
Прозрачной дымкою легла,
Духовника на миг единый
Младая дева призвала,
Чтоб жизни грешные деянья
Открыть с слезами покаянья.
И он приходит к ней; но вдруг
Его безумный хохот встретил.
Старик в лице ее заметил
Борение последних мук.
На предстоящих не взирая,
Шептала дева молодая:
«О, демон! о, коварный друг!
Своими сладкими речами
Ты бедную заморозил...
Ты был любим, а не любил...
Ты мог спастись, а погубил,
Проклятье сверху, мрак под нами!»
Но кто безжалостный злодей,
Тогда не понял старец честный,
И жизнь монахини моей
Осталась людям неизвестной.

С тех пор промчалось много лет,

Пустела древняя обитель,
И время, общий разрушитель,
Смывало постепенно след
Высоких стен; и храм священный
Стал жертва бури и дождей.
Из двери в дверь во мгле ночей
Блуждает ветер освобожденный.
Внутри, на ликах расписных
И на окладах золотых,
Большой паук, пустынный новый,
Кладет сетей своих основы.
Не раз, сбежав со скал крутых,
Сайгак иль серна, дочь свободы,
Приют от зимней непогоды
Искали в кельях. И порой
Забытой утвари паденье
Среди развалины глухой
Их приводило в удивленье!
Но в наше время ничему
Нельзя нарушить тишину:
Что может падать, то упало,
Что мрет, то умерло давно,
Что живо, то бессмертно стало;
Но время вживе удержало
Воспоминание одно!

И море пенится и злится
И сильно плещет и шумит,
Когда волнами устремится
Обнять береговой гранит:
Он вдался в море одиноко,
На нем чернеет крест высокой.
Всегда скалой отражена,
Покрыта пылью белоснежной,
Теснится у волны волна,
И слышен ропот их мятежный,
И удаляются толпой,
Другим предоставляя бой.

Над тем крестом, над той скалою
Однажды утренней порою
С глубокой думою стоял
Дитя Эдема, ангел мирный;
И слезы молча утирал
Своей одеждою сапфирной.

И кудри мягкие как лен
С главы венчанной упали,
И крылья легкие как сон
За белыми плечьями сияли.
И был небесный свод над ним
Украшен радугой цветистой,
И воды с пеной серебристой
С каким-то трепетом живым
К скалам теснились вековым.
Всё было тихо. Взор унылый
На небо поднял ангел милый,
И с непонятною тоской
За душу грешницы молодой
Творцу молился он. И, мнилось,
Природа вместе с ним молилась.

Тогда над синей глубиной
Дух гордости и отверженья
Без цели мчался с быстротой;
Но ни раскаянья, ни мщенья
Не изъявлял суровый лик:
Он побеждать себя привык!
Не для других его мученья!
Он близ могилы промелькнул
И, взор пронзительный кидая,
Посла потерянного рая
Улыбкой горькой упрекнул!..

Конец

Примечания

Печатается по беловому автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 27 (тетрадь XXII, принадлежала М. Дешан де Виллер), лл. 1–12 об. Черновой автограф (с черновым наброском посвящения «Когда последнее мгновенье», без посвящения «Прими мой дар, моя мадона!» и без нескольких стихов, с нумерацией главок, отсутствующей в беловом автографе) – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV, см. примечания ко II редакции), лл. 1 об. – 11; черновой автограф с тремя отрывками (первоначальный набросок посвящения «Прими мой дар, моя мадона!» и некоторые стихи) – там же, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 30.

Данная редакция впервые опубликована с пропусками по тетради IV в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 35–47); отрывки – в «Библиогр. записках» (1859, т. 2, № 12, стлб. 379–382); полностью и с послесловием «Я не

для ангелов и рая» – в Соч. под ред. Висковатова, т. 3 (1891, стр. 54–74), где дана компиляция текстов III редакции по автографам тетради IV и тетради XXII и в подстрочных примечаниях, в качестве вариантов, отрывки текста II редакции, начала 1830 года (по тетради IV). Окончательный текст III редакции (по тетради XXII) был дан впервые в Полном собрании сочинений М. Ю. Лермонтова, Гос. изд., М.–Л., 1926, стр. 258–263. Посвящение («Прими мой дар, моя мадона!») впервые опубликовано в «Москвитянине» (1855, № 6, стр. 186); послесловие («Я не для ангелов и рая»), с неточностями – в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 48); вариант посвящения («Когда последнее мгновенье») – в Соч. под ред. Висковатова, т. 1 (1889, стр. 75).

На обложке тетради XXII – дата рукой Лермонтова: «1831 год».

Посвящение («Прими мой дар, моя мадона!») навеяно, по-видимому, пушкинским стихотворением «Мадона», появившимся в отпечатанном в Москве альманахе «Сиротка» на 1831 год. Это посвящение обращено к В. А. Лопухиной и написано поздней осенью 1831 года, так как первоначальный набросок его стоит в тетради XI на л. 30, непосредственно после стихотворения «Ужасная судьба отца и сына» (на л. 29 об.). На л. 30 об. имеется автобиографическая запись: «2-го декабря: св. Варвары. Вечером возвратясь. Вчера еще я дивился продолжительности моего счастья! – Кто бы подумал, взглянув на нее, что она может быть причиною страданья?». Эта запись подтверждает, что посвящение обращено к Лопухиной.

Стихи посвящения:

Обманы были мне не новы,
И яд был на сердце моем

содержат намек на отношения и разрыв с Н. Ф. Ивановой.

Редакция IV
<Демон>
<1831 год>

По голубому небу пролетал
Однажды Демон. С злобою немой
Он в беспредельность грустный взор кидал
И вспоминанья перед ним толпой
Теснились. Это небо, где творец
Внимал его хвалам и наконец
Проклятьям, эти звезды... всё кругом
Прекрасно в блеске вечно-молодом;

Как было в тот святой, великий час,
Когда от мрака отделился свет,
И, ангел радостный, он в первый раз

Взглянул на будущность. И сколько лет,
И сколько тысяч лет с тех пор прошло!
И он уже не тот. Его чело
Померкло... он один, один... один...
Враг счастья и порока властелин.

Изгнанник, для чего тоскуешь ты
О том, что невозвратно? – но пускай!
Не воскресив душевной чистоты,
Ты не найдешь потерянный свой рай!
Напрасно обращен преступный взор
На небеса: их свет – тебе укор.
Будь горд. Старайся мстить, живи, губя.
Но что ж? – и зло не радует тебя?

И часто, очень часто людям он
Завидовал. У них надежда есть
На искупление, на могильный сон.
Все их несчастья легче перенести
Одной палящей капли адских мук.
И вечность (это слово, этот звук,
Который значит всё) им не страшна.
Нет! вечность для рабов не создана!

Так мыслил Демон. Медленно крылом,
Спускался на землю, рассекал
Он воздух. Всё цвело в краю земном.
Весенний день краснея догорал.
Растения и волны, ветерком
Колеблемы, негреющим лучом
Казались зажжены. Туман сырой
Ревниво подымался над землей.

И только крест пустынный, наконец,
Стоящий на горе, едва в дали
Блестел. И гаснет! Звездный свой венец
Надела ночь. В молчании текли
Светила неба в этот мирный час,
Но в их молчаньи есть понятный глас,
О будущем пророчествует он.
Вот встала и луна. Повсюду сон.

Свети! свети, прекрасная луна!
Природа любит шар твой золотой,
В его сияньи нежится она,

Одетая полупрозрачной мглой.
Но человека любишь ты дразнить
Несбыточной мечтой. Как не грустить,
Когда на нас ты льешь свой бледный свет,—
Ты — памятник всего, чего уж нет!

—

Я хотел писать эту поэму в стихах: но нет. — В прозе лучше.

Примечания

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 10 (тетрадь X), л. 38–38 об.

Впервые напечатана в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 256–258) и без прозаической приписки Лермонтова в «Библиогр. записках» (1859, т. 2, № 12, стлб. 378–379).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради X.

Редакция V Демон <1833–1834 годы>

1

Печальный Демон, дух изгнания,
Блуждал под сводом голубым,
И лучших дней воспоминанья
Чредой теснились перед ним;
Тех дней, когда он не был злым,
Когда глядел на славу бога,
Не отвращаясь от него,
Когда заботы и тревога
Чуждались ума его,
Как дня боится мрак могилы,
И много, много... и всего
Представить не имел он силы.

Уныло жизнь его текла
В пустыне мира — и на вечность
Он пригляделся — но была
Мучительна его беспечность.
Путем, назначенным судьбой,
Он равнодушно подвигался;
Он жег печатью роковой
Всё то, к чему ни прикасался.

Смеясь над злом и над добром,
Стыдясь надежд, стыдясь боязни,
Он с гордым встретил бы челом
Прощенья глас, как слово казни;
Он жил забыт и одинок,
Грозой оторванный листок,
Угрюм и волен, избегая
И свет небес, и ада тьму,
Он жил, не веря ничему
И ничего не признавая.

Как черный саван на земле
Лежала ночь... вились туманы
По гребням гор; на их челе,
Сторожевые великаны,
Гнездились стаи облаков,
И вечно ропщущее море
Гуляло мирно на просторе,
Сверкая пеною валов.

Между прибрежных диких скал
Беглец Эдема пролетал.
Он взор, исполненный презренья,
Вперил на грешный мир земной
И зрит в тумане отдаленья
Верхи обители святой.
У стен ее, прохлады полны,
Однообразно шепчут волны.
Кругом ее густых деревьев
Сплелись кудрявые вершины,
И кое-где из их середины,
Стремясь достать до облаков,
Встает, белея, остов длинный
Зубчатой башни, и над ней,
Символ спасения забвенный,
Чернеет ржавый крест, нагбенный
Усиьем бури и дождей.
Меж бедных келий храм огромный.
Едва сквозь длинное окно
Глядит лампы луч нескромный.
Внутри всё спит давным-давно.
Всё вокруг таинственно и темно.

Вот одинока и красна
Встает двурогая луна,

И в усыпленную обитель
Вступает мрачный искушитель.
Вдруг тихий и прекрасный звук,
Подобно звуку лютни, внемлет;
И чей-то голос. Жадный слух
Он напрягает. Хлад объемлет
Чело. Он хочет прочь тотчас:
Его крыло не шевелится,
И – чудо! – из померкших глаз
Слеза свинцовая катится.
Поныне возле кельи той,
Насквозь прожженный, виден камень
Слезой жаркою, как пламень,
Нечеловеческой слезой.

Как много значил этот звук!
Века минувших упоений,
Века изгнания и мук,
Века бесплодных размышлений
О настоящем и былом –
Всё разом отразилось в нем.

Проникнул в келью дух смущенный,
Минуя образ позлащенный,
Как будто видя в нем укор,
Со страхом отвращает взор;
В углу из мрамора мадона,
Лампада медная над ней,
На голове ее корона
Из роз душистых и лилей.
У стенки девственное ложе,
Луна, смеясь, в окно глядит,
А у окна... всесильный боже!
Что с ним? – он млеет! он дрожит!
По струнам лютни ударяя,
Пред ним озарена луной
В одежде черной власяной
Была монахиня младая;
Она сидела перед ним
Объята жаром вдохновенья,
Мила как первый херувим,
Как первые звезды творенья.
В больших глазах ее порой
Невнятно говорило что-то
Невыразимую тоской,

Неизъяснимою заботой.
Полураскрытые уста
Живые изливали звуки;
В них было всё: моления, муки,
Слова надежд, слова разлуки
И детских мыслей простота.
И грудь высоко воздымалась.
И обнаженная рука,
Белей, чем утром облака,
К струнам, как ветер, прикасалась.
Клянусь святыней гробовой,
Лучом заката и востока,
Властитель Персии златой
И ни единый царь земной
Не целовал такого ока!
Гаремов брызжащий фонтан
Ни разу летнею порою
Своей алмазною росой
Не омывал подобный стан...
Ни разу гордый сын порока
Не осквернял руки такой...
Клянусь святыней гробовой,
Лучом заката и востока.

Дух отвержения и зла
Стоял недвижим у порога;
Не смел он приподнять чела,
Страшась в ней увидеть бога!
Увы, в душе его была
Давно забытая тревога!
Он искушать хотел – не мог,
Не находил в себе искусства;
Забить? – забвенья не дал бог;
Любить? – недоставало чувства.
И удалиться он спешил
От этой кельи, где впервые
Нарушил клятвы роковые,
Земной святыне уступил.
Но прелесть звуков и виденья
Остались на душе его,
И в памяти сего мгновенья
Уж не изгладит ничего!

Скажу ль? сначала думал он,
Хотел во что бы то ни стало
Исторгнуть из груди, как жало,
Мгновенный светлый этот сон.
И, победив свое презрение,
Он замешался меж людей,
Чтоб ядом пагубных речей
Убить в них веру в провиденье...
Но до него, как и при нем,
Уж веры не было ни в ком;
И полон скуки непонятной,
Он скоро кинул мир развратный
И на хребет пустынных гор
Переселился с этих пор.
Там над жемчужным водопадом
Себе пещеру отыскал,
В природу вник глубоким взглядом,
Душою жизнь ее объял.
Как часто на вершине льдистой
Один меж небом и землей
Под кровом радуги огнистой
Сидел он мрачный и немой,
И белогривые метели,
Как львы, у ног его ревели.
Как часто, подымая прах
В борьбе с летучим ураганом,
Одетый молнией и туманом
Он дико мчался в облаках,
Чтобы в толпе стихий мятежной
Сердечный ропот заглушить,
Спасть от думы неизбежной
И незабвенное – забыть!
Но уж не то его тревожит,
Что прежде, тот железный сон
Прошел. Любить он может – может,
И в самом деле любит он!
И хочет в путь опять пускаться,
Чтоб с милой девой повидаться,
Чтоб раз ей в очи поглядеть
И невозвратно улететь.

Востока ясное светило
На небо юное взошло

И моря синее стекло
Лучами утра озарило.
Вот милый берег! Вот она,
Обетованная страна...
Вот испещренная цветами
Густой лимонной рощи сень,
Вот пред святыми воротами
Часовня... южный теплый день
Играет яркими лучами
По белым башням и стенам.
Безмолвны мраморные плиты,
От стен ведущие во храм.
Плющом душистым перевиты,
Вокруг него ряды крестов,
Немые сторожи гробов,
Как стадо летом пред грозой,
Пестрея жмутся меж собою...

Страшась надеждам волю дать,
К знакомой келье он подходит,
Кругом нее задумчив бродит.
Жива ль она? одна ль, как знать?
К дверям прильнул он жадным ухом.
Ни струн, ни песен не слышать!
Невольно он смутился духом,
Невольно, как в пещеру змей,
Закралось в ум его сомненье,
И вещей луч грядущих дней
Сверкнул в его воображеньи!
Он в келью светлую проник...
Взошел, взглянул... ужасный крик,
Как бури свист порой ночью,
Раздался в воздухе пустом,
И ярость адскою волною
Как лава разлилась по нем.
Простите, краткие надежды
Любви, блаженства и добра;
Открыл дремавшие он вежды:
И то сказать – давно пора!

Посланник рая, ангел нежный,
В одежде дымной, белоснежной,
Стоял с блистающим челом
Перед монахиней прекрасной
И от врага с улыбкой ясной

Приосенял ее крылом.
Они счастливы, святы оба!
Довольно – ненависть и злоба
Взыграли демонской душой.
Он вышел твердою стопой.
Он вышел – сколько чувств различных,
С давнишних лет ему привычных,
В душе теснятся – сколько дум
Меняет недовольный ум!
Красавице погибнуть надо,
Ее не пощадит он вновь.
Погибнет: прежняя любовь
Не будет для нее оградой!

Свершилось! он опять таков,
Каким явился меж рабов
Великому царю вселенной
В часы той битвы незабвенной,
Где на преступное чело
Проклятье вечное легло.
Он ждет, у стен святых блуждая,
Когда останется одна
Его монахиня молодая,
Когда нескромная луна
Взойдет, пустыню озаряя.
Он ожидает час глухой,
Текущий под ночью мглой,
Час тайных встреч и наслаждений
И незаметных преступлений,
Он к ней прокрадется туда,
Под сень обители уснувшей,
И там погубит навсегда
Предмет любви своей минувшей...
Лампада в келье чуть горит.
Лукавый с девою сидит,
И чудный страх ее объемлет.
Она, как смерть, бледнея внемлет.

Монахиня

Забыть волнение страстей
Я поклялась давно, ты знаешь;
К чему ж теперь меня смущаешь
Мольбою странною своею?
О, кто ты? – речь твоя опасна!

Чего ты хочешь?

Незнакомец

Ты прекрасна!

Монахиня

Кто ты?

Незнакомец

Я демон! – не страшись:
Святыни здешней не нарушу;
И о спасеньи не молись.
Не искушать пришел я душу.
К твоим ногам, томясь в любви,
Несу покорные моления,
Земные первые мученья
И слезы первые мои.
Не отгоняй меня укором,
Не выжимай из груди стон:
Несправедливым приговором
Я на изгнание осужден.
Не зная радости минутной,
Живу над морем и меж гор,
Как перелетный метеор,
Как степи ветер бесприютный.
И слишком горд я, чтоб просить
У бога вашего прощенья:
Я полюбил мои мученья
И не могу их разлюбить.
Но ты, ты можешь оживить
Своей любовью непритворной
Мою томительную лень
И жизни скучной и позорной
Непролетающую тень!

Монахиня

К чему мне знать твои печали?
Зачем ты жалуешься мне!
Ты виноват...

Незнакомец

Против тебя ли?

Монахиня

Нас могут слышать.

Незнакомец

Мы одне.

Монахиня

А бог?

Незнакомец

На нас не кинет взгляда,
Он занят небом, не землей.

Монахиня

А наказанье, муки ада?

Незнакомец

Так что ж? ты будешь там со мной.
Мы станем жить любя, страдая,
И ад нам будет стоять рая;
Оставь сомнения свои;
И что такое жизнь святая
Перед минутою любви?
Моя бессменная подруга,
Ты будешь разделять со мной
Века бессмертного досуга
И власть над бедною землей,
Где носит всё печать презренья,
Где меж людей, с давнишних лет,
Ни настоящего мученья,
Ни счастья без обмана нет.
Благословишь ты нашу долю,
Не будешь на меня роптать
И не захочешь грусть и волю
За рабство тихое отдать.

Монахиня

Оставь меня, о дух лукавый,
Оставь... не верю я врагу.
Творец... увы, я не могу
Молиться... тайною отравой
Мой ум слабеющий объят...
Но слушай, ты меня погубишь,
Твои слова огонь и яд,
Скажи, зачем меня ты любишь...

Незнакомец

Зачем, красавица? – увы,
Не знаю... Полон жизнью новой,
С своей преступной головы
Я гордо снял венец терновый.
Я всё бывшее бросил в прах;
Мой рай, мой ад в твоих очах;
Я проклял прежнюю беспечность;
С тобою розно мир и вечность
Пустые звучные слова,
Прекрасный храм – без божества.
Люблю тебя нездешней страстью,
Как полюбить не можешь ты,
Всем упоением, всей властью
Бессмертной мысли и мечты;
Люблю блаженством и страданьем,
Надеждою, воспоминаньем,
Всей роскошью души моей...
О, не страшись... но пожалей!..
Толпу духов моих служебных
Я приведу к твоим стопам,
Прислужниц чудных и волшебных
Тебе, красавица, я дам;
И для тебя с звезды восточной
Сниму венец я золотой,
Возьму с цветов росы полночной,
Его усыплю той росой;
Лучом румяного заката
Твой стан, как лентой, обовью
И яркий перстень из агата
Надену на руку твою.
Всечасно дивною игрою
Твой слух лелеять буду я.

Чертоги светлые построю
Из бирюзы и янтаря...
Я опущусь на дно морское,
Я полечу за облака,
И дам тебе всё, всё земное,
Люби меня!..

И он слегка
Прижался страстными устами
К ее пылающим устам;
Тоской, угрозами, слезами
Он отвечал ее мольбам.
Она противиться не смела,
Слабела, таяла, горела
От неизвестного огня,
Как белый воск от взоров дня.
В то время сторож полуночный
Один, вокруг стены крутой,
Когда ударил час урочный,
Бродил с чугуною доской.
Но возле кельи девы юной
Он шаг свой мерный укротил
И руку над доской чугунной,
Смутясь душой, остановил.
И сквозь окрестное молчанье,
Ему казалось, слышал он
Двух уст согласное лобзанье,
Невнятный крик и слабый стон...
И нечестивое сомненье
Проникло в сердце старика.
«То не отшельницы моленье!»
Подумал он, и до замка
Уже коснулся... тихо снова!
Ни слов, ни шума не слышать...
Канун угодника святого
Спешит он в страхе прочитать...
Крестит дрожащими перстами
Мечтой взволнованную грудь
И молча скорыми шагами
Свой прежний продолжает путь.

За час до солнечного восхода,
Еще высокий берег спал,
Вдруг зашумела непогода,
И океан забушевал;

И вместе с бурей и громами,
Как умирающего стон,
Раздался глухо над волнами
Зловещий колокола звон.
Не для молитвы призывали
Святых монахинь в тихий храм,
Не двум счастливым женихам
Свечи дрожащие пылали:
В середине церкви гроб стоял,
Досками черными обитый,
И в том гробу мертвец лежал,
Холодным саваном увитый.
Зачем не слышен плач родных
И не видать во храме их?
И кто мертвец? Едва приметный
Остаток прежней красоты
Являют бледные черты;
Уста закрытые бесцветны,
И в сердце пылкой страсти яд
Сии глаза не поселят,
Хотя еще весьма недавно
Владели пылкою душой,
Неизъяснимой, своенравной,
В борьбе безумной и неравной
Не знавшей власти над собой.
И нет тебя, младая дева!..
Как злак потопленных полей,
Добыча ревности и гнева,
Ты вдруг увяла в цвете дней!..
Напрасно будет солнце юга
Играть приветно над тобой,
Напрасно будет дождь и вьюга
Реветь над плитой гробовой.
Лобзание юноши живое
Твои уста не разомкнет;
Земля взяла свое земное,
Она назад не отдает.

3

С тех пор промчалось много лет,
Пустела древняя обитель,
И время, вечный разрушитель,

Смывало постепенно след
Высоких стен; и храм священный,
Добыча бури и дождей,
Стал молчалив, как мавзолеей,
Умерших памятник надменный.
Из двери в дверь во мгле ночей
Блуждает ветер освобожденный.
Внутри, на ликах расписных
И на окладах золотых,
Большой паук, отшельник новый,
Кладет сетей своих основы.
Не раз, сбежав со скал крутых,
Сайгак иль серна, дочь свободы,
Приют от зимней непогоды
Искала в кельях. И порой
Забытой утвари паденье
Среди развалины глухой
Их приводило в изумленье.
Но в наше время ничему
Нельзя нарушить тишину:
Что может падать, то упало,
Что мрет, то умерло давно,
Что живо, то бессмертно стало,
Но время вживе удержало
Воспоминание одно.

И море пенится и злится
И сильно плещет и шумит,
Когда волнами устремится
Обнять береговой гранит.
Он вдался в море одиноко,
Над ним чернеет крест высокой.
Всегда скалой отражена,
Покрыта пылью белоснежной,
Теснится у волны волна,
И слышен ропот их мятежный,
И удаляются толпой,
Другим предоставляя бой.

Над тем крестом, над той скалою,
Однажды утренней порою
С глубокой думою стоял
Дитя Эдема, ангел мирный,
И слезы молча утирал
Своей одеждою сапфирной,

И кудри мягкие как лен
С главы венчанной упали,
И крылья легкие как сон
За белыми плечьми сияли.
И был небесный свод над ним
Украшен радугой цветистой,
И волны с пеною серебристой
С каким-то трепетом живым
К скалам теснились вековым.
Всё было тихо. Взор унылый
На небо поднял ангел милый,
И с непонятною тоской
За душу грешницы молодой
Творцу молился он, и, мнилось,
Природа вместе с ним молилась.

Тогда над синей глубиной
Дух отверженья и порока
Без цели мчался с быстротой
Новорожденного потока.
Страданий мрачная семья
В чертах недвижимых таилась;
По следу крыл его тащилась
Багровой молнии струя.
Когда ж он пред собой увидел
Всё, что любил и ненавидел,
То шумно мимо промелькнул
И, взор пронзительный кидая,
Посла потерянного рая
Улыбкой горькой упрекнул.

Примечания

Печатается по авторизованному списку – ИРЛИ, оп. 1, № 45 (список – рукой А. П. Шан-Гирея, его же рукой – карандашные поправки), лл. 2–9. Имеется также список, принадлежавший К. А. Булгакову, – ИРЛИ, оп. 2, № 2 (текст его, сравнительно с авторизованным списком, представляет более раннюю стадию работы Лермонтова над V редакцией). Описка в стихе («В чертах недвиженных таилась») исправлена по авторизованному списку VI редакции (ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 4): «В чертах недвижимых таилась».

V редакция «Демона» впервые опубликована (по списку Булгакова) в Соч. под ред. Введенского, т. 2 (1891, стр. 63–74) и в Соч. под ред. Висковатова, т. 3

(1891, стр. 77–93).

Датируется 1833–1834 годами. В 1833 году Н. Ульянов получил булгаковский список поэмы, переданный им впоследствии А. А. Краевскому (см. Соч. под ред. Висковатова, т. 3, 1891, стр. 109). Хотя список Булгакова датирован позднее неизвестной рукой 1832 годом, однако в этом году Лермонтов, писавший роман «Вадим» и готовившийся сначала к переезду в Петербург, а затем к поступлению в Школу гвардейских подпрапорщиков, конечно, не имел возможности заниматься переработкой своей поэмы. Вероятнее всего, он переработал ее в начале 1833 года, когда вследствие перелома ноги больше двух месяцев пролежал дома. Авторизованный же список рукой А. П. Шан-Гирея, содержащий окончательную стадию работы Лермонтова над V редакцией поэмы, изготовлен не ранее 1834 года, так как Шан-Гирей приехал в Петербург и поселился у Е. А. Арсеньевой в начале этого года.

Стих «Грозой оторванный листок» повторяется потом в поэме «Мцыри».

Редакция VI
Демон
1838 года сентября 8 дня

Часть I-я

Печальный Демон, дух изгнания,
Летал над грешною землей,
И лучших дней воспоминанья
Пред ним теснились толпой;
Тех дней, когда в жилище света
Блистал он, чистый херувим;
Когда бегущая комета
Улыбкой ласковой привета
Любила поменяться с ним;
Когда сквозь вечные туманы,
Познания жадный, он следил
Кочующие караваны
В пространстве брошенных светил;
Когда он верил и любил,
Счастливый первенец творенья!
Не знал ни страха, ни сомненья,
И не грозил душе его
Веков бесплодных ряд унылый;
И много, много — и всего
Припомнить не имел он силы!

С тех пор отверженный блуждал

В пустыне мира без приюта.
Вослед за веком век бежал,
Как за минутою минута,
Однообразной чередой.
Ничтожной властвуя землей,
Он сеял зло без наслажденья.
Нигде искусству своему
Он не встречал сопротивленья –
И зло наскучило ему!

И над вершинами Кавказа
Изгнанник рая пролетал:
Под ним Казбек, как грань алмаза,
Снегами вечными сиял;
И, глубоко внизу чернея,
Как трещина, жилище змея,
Вился излучистый Дарьял;
И Терек, прыгая, как львица
С косматой гривой на хребте,
Ревел – и хищный зверь, и птица,
Кружась в лазурной высоте,
Глаголу вод его внимали;
И золотые облака
Из южных стран, издалека
Его на север провожали;
И скалы тесною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Над ним склонялись головой,
Следя мелькающие волны;
И башни замков на скалах
Смотрели грозно сквозь туманы –
У врат Кавказа на часах
Сторожевые великаны!
И дик, и чуден был вокруг
Весь божий мир; но гордый дух
Презрительным окинул оком
Творенье бога своего,
И на челе его высоком
Не отразилось ничего.

И перед ним иной картины
Красы живые расцвели;
Роскошной Грузии долины
Ковром раскинулись вдали.
Счастливый, пышный край земли!

Столпообразные раины,
Звонко-бегущие ручьи
По дну из камней разноцветных,
И кущи роз, где соловьи
Поют красавиц, безответных
На сладкий голос их любви;
Чинар развесистые сени,
Густым венчанные плющом;
Ущелья, где палящим днем
Таятся робкие олени;
И блеск и жизнь и шум листов,
Стозвучный говор голосов,
Дыханье тысячи растений;
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлажненные ночи;
И звезды яркие, как очи,
Как взор грузинки молодой!
Но, кроме зависти холодной,
Природы блеск не возбудил
В груди изгнанника бесплодной
Ни новых чувств, ни новых сил:
И всё, что пред собой он видел,
Он презирал иль ненавидел.

Высокий дом, широкий двор
Седой Гудал себе построил;
Трудов и слез он много стоил
Рабам, послушным с давних пор.
С утра на скат соседних гор
От стен его ложатся тени;
В скале нарублены ступени,
Они от башни угловой
Ведут к реке; по ним мелькая,
Покрыта белою чадрой,⁹
Княжна Тамара молодая
К Арагве ходит за водой.

Всегда безмолвно на долины
Глядел с утеса мрачный дом:
Но пир большой сегодня в нем,
Звучит зурна,¹⁰ и льются вѣны!

9 Белое покрывало. (Примечание Лермонтова)

10 Род флейты. (Примечание Лермонтова)

Гудал сосватал дочь свою,
На пир он созвал всю семью.
На кровле, устланной коврами,
Сидит невеста меж подруг.
Средь игр и песен их досуг
Проходит; дальними горами
Уж скрытан солнца полукруг.

И вот Тамара молодая
Берет свой бубен расписной;
В ладони мерно ударяя,
Запели все, – одной рукой
Кружа его над головой,
Увлечена летучей пляской,
Она забыла мир земной;
Ее узорною повязкой
Играет ветер; как волна,
Нескромной думою полна,
Грудь подымается высоко;
Уста бледнеют и дрожат,
И жадной страсти полон взгляд,
Как страсть палящий и глубокой!
Клянусь полночною звездой,
Лучом заката и востока,
Властитель Персии златой
И ни единый царь земной
Не целовал такого ока!
Гарема брызжущий фонтан
Ни разу жаркою порою
Своей алмазною росой
Не омывал подобный стан!
Еще ничья рука земная,
По милому челу блуждая,
Таких волос не расплела;
С тех пор, как мир лишен был рая,
Клянусь, красавица такая
Под солнцем юга не цвела!..

В последний раз она плясала.
Увы! завтра ожидала
Ее, наследницу Гудала,
Свободы резвую дитя,
Судьба печальная рабыни,
Отчизна, чуждая поныне,

И незнакомая семья.
И часто грустное сомненье
Темнило светлые черты;
Но были все ее движенья
Так стройны, полны выраженья,
Так полны чудной простоты,
Что если б враг небес и рая
В то время на нее взглянул,
То, прежних братьий вспоминая,
Он отвернулся б и вздохнул.

И Демон видел... На мгновенье
Неизъяснимое волненье
В себе почувствовал он вдруг;
Немой души его пустыню
Наполнил благодатный звук;
И вновь постигнул он святыню
Любви, добра и красоты!
И долго сладостной картиной
Он любовался; и мечты
О прошлом счастья цепью длинной,
Как будто за звездой звезда,
Пред ним катились тогда.
Прикованный незримой силой,
Он с новой думой стал знаком,
В нем чувство вдруг заговорило
Родным, понятным языком.
То был ли признак возрожденья?..
Он подойти хотел – не мог!
Забывать? – Забвенья не дал бог –
Да он и не взял бы забвенья!

На брачный пир к закату дня,
Измучив доброго коня,
Спешил жених нетерпеливый;
Арагвы светлой он счастливо
Достиг зеленых берегов.
Под тяжелой ношею даров
Едва, едва переступая,
За ним верблюдов длинный ряд
Дорогой тянется, мелькая:
Их колокольчики звенят.
Он сам, властитель Синодала,
Ведет богатый караван;
Ремнем затянут стройный стан,

Оправа сабли и кинжала
Блестит на солнце; за спиной
Ружье с насечкой вырезной.
Играет ветер рукавами
Его чухи,¹¹ – кругом она
Вся галуном обведена.
Цветными вышито шелками
Его седло, узда с кистями.
Под ним весь в мыле конь лихой
Бесценной масти золотой;
Питомец резвый Карабаха
Прядет ушами и, полный страха,
Храпя косится с крутизны
На пену скачущей волны.
Опасен, узок путь прибрежный:
Утесы с левой стороны,
Направо глубь реки мятежной.
Уж поздно. На вершине снежной
Румянец гаснет; встал туман;
Прибавил шагу караван.

И вот часовня на дороге...
Тут с давних лет почиет в божьей
Какой-то князь, теперь святой,
Убитый мстительной рукой.
С тех пор на праздник иль на битву,
Куда бы путник ни спешил,
Всегда усердную молитву
Он у часовни приносил,
И та молитва сберегала
От мусульманского кинжала;
Но презрел молодой жених
Обычай прадедов своих;
Его коварною мечтою
Лукавый Демон возмущал;
Он, в мыслях, под ночью тьмою
Уста невесты целовал!
Вдруг впереди мелькнули двое,
И больше – выстрел! Что такое?
Привстав на звонких стремях,
Надвинув на брови папах,¹²

11 Верхняя грузинская одежда. (Примечание Лермонтова)

12 Баранья шапка, персидская. (Примечание Лермонтова)

Отважный князь не молвил слова;
В руке сверкнул турецкий ствол,
Нагайка щелк! и как орел
Он кинулся... и выстрел снова!
И дикий крик, и стон глухой
Промчался в тишине долины!
Недолго продолжался бой,
Бежали робкие грузины.

И стихло всё. Теснясь толпой,
Верблюды с ужасом смотрели
На трупы всадников: порой
Их колокольчики звенели.
Разграблен пышный караван,
И над телами христиан
Чертит круги ночная птица.
Не ждет их мирная гробница
Под слоем монастырских плит,
Где прах отцов их был зарыт.
Не придут сестры с матерями,
Покрыты белыми чадрами,
С тоской, рыданьем и мольбами
На гроб их из далеких мест!
Зато усердною рукою
Здесь у дороги над скалою
На память водружится крест,
И плющ, разросшийся весною,
Его, ласкаясь, обовьет
Своею сеткой изумрудной;
И, своротив с дороги трудной,
Порой усталый пешеход
Под божьей тенью отдохнет.

Несется конь быстрее лани,
Храпит и рвется будто к брани,
То вдруг осадит на скаку,
Прислушается к ветерку,
Широко ноздри раздувая,
То, разом в землю ударяя
Шипами звонкими копыт,
Взмахнув растрепанною гривой,
Вперед без памяти летит.
На нем есть всадник молчаливый:
Он бьется на седле порой,
Припав на гриву головой.

Уж он не правит поводами,
Задвинул ноги в стремяна,
И кровь широкими струями
На чепраке его видна.
Скакун надежный господина
Из боя вынес как стрела,
Но злая пуля осетина
Его во мраке догнала.

В семье Гудала плач и стоны,
Толпится на дворе народ:
Чей конь примчался запаленный?
Кто бледный всадник у ворот?
Недолго жениха младого,
Невеста, взор твой ожидал.
Сдержал он княжеское слово,
На брачный пир он прискакал;
Увы! Но никогда уж снова
Не сядет на коня лихого.

На беззаботную семью,
Как гром, слетела божья кара!
Упала на постель свою,
Рыдает бедная Тамара;
Слеза катится за слезой,
Грудь высоко и трудно дышит;
И вот она как будто слышит
Волшебный голос над собой:

«Не плачь, дитя! не плачь напрасно!
Твоя слеза на труп безгласный
Живой росой не упадет;
Она лишь взор туманит ясный,
Ланиты девственные жжет.
Он далеко; он не узнает,
Не оценит тоски твоей;
Небесный свет теперь ласкает
Бесплотный взор его очей;
Он слышит райские напевы...
Что жизни мелочные сны
И стон и слезы бедной девы
Для гостя райской стороны?
Нет, жребий смертного творенья,
Поверь мне, ангел мой земной,
Не стоит одного мгновенья

Твоей печали дорогой.

«На воздушном океане,
Без руля и без ветрил,
Тихо плавают в тумане
Хоры стройные светил;
Средь полей необозримых
В небе ходят без следа
Облаков неуволчимых
Волонистые стада;
Час разлуки, час свиданья —
Им ни радость, ни печаль;
Им в грядущем нет желанья
И прошедшего не жаль.
В день томительный несчастья
Ты об них лишь вспомни;
Будь к земному без участия
И беспечна, как они.

«Лишь только ночь своим покровом
Долины ваши осенит,
Лишь только мир, волшебным словом
Завороженный, замолчит,
Лишь только ветер над скалою
Увядшей шевельнет травой,
И птичка, спрятанная в ней,
Порхнет во мраке веселей,
И под лозою виноградной,
Росу небес глотая жадно,
Цветок распухнет ночью,
Лишь только месяц золотой
Из-за горы тихонько встанет
И на тебя украдкой взглянет,
К тебе я стану прилетать!
Гостить я буду до денницы
И на шелковые ресницы
Сны золотые навевать...»

Слова умолкли. В отдаленье
Вослед за звуком умер звук.
Она, вскочив, глядит вокруг;
Невыразимое смятенье
В ее груди: печаль, испуг,
Восторга пыл — ничто в сравненье!
Все чувства в ней кипели вдруг,

Душа рвала свои оковы,
Огонь по жилам пробежал,
И этот голос чудно-новый,
Ей мнилось, всё еще звучал.
И перед утром сон желанный
Глаза усталые смежил,
Но мысль ее он возмутил
Мечтой пророческой и странной.
Пришлец туманный и немой,
Красой блистая неземной,
К ее склонился изголовью;
И взор его с такой любовью,
Так грустно на нее смотрел,
Как будто он об ней жалел.
То не был ангел небожитель,
Ее божественный хранитель:
Венец из радужных лучей
Не украшал его кудрей.
То не был ада дух ужасный,
Порочный мученик – о нет!
Он был похож на вечер ясный –
Ни день, ни ночь, – ни мрак, ни свет!

Часть II-я

«Отец, отец! оставь угрозы,
Свою Тамару не брани;
Я плачу, – видишь эти слезы, –
Уже не первые они!
Не буду я ничьей женою,
Скажи моим ты женихам;
Супруг мой взят сырой землею,
Другому сердца не отдам.
С тех пор как труп его кровавый
Мы схоронили под горой,
Меня тревожит дух лукавый
Неотразимою мечтой.
В тиши ночной меня тревожит
Толпа печальных, странных снов;
Молиться днем душа не может:
Мысль далеко от звука слов!
Огонь по жилам пробегает,
Я сохну, вяну день от дня.

Отец! душа моя страдает,
Отец мой, пощади меня!
Отдай в священную обитель
Дочь безрассудную свою,
Там защитит меня Спаситель,
Пред ним тоску мою пролью;
На свете нет уж мне веселья...
Святыни миром осеня,
Пусть примет сумрачная келья
Как гроб заранее меня».

И в монастырь уединенный
Ее родные отвезли,
И власяницею смиренной
Грудь молодую облекли.
Но и в монашеской одежде,
Как под узорною парчой,
Всё беззаконною мечтой
В ней сердце билось, как прежде.
Пред алтарем, при блеске свеч,
В часы божественного пенья,
Знакомая среди моленья
Ей часто слышалась речь;
Под сводом сумрачного храма
Знакомый образ иногда
Скользил без звука и следа
В тумане легком фимиама:
Он так смотрел! *он* так манил!
Он , мнилось, так несчастлив был!

В прохладе меж двумя холмами
Таился монастырь святой:
Чинар и тополей рядами
Он окружен был, и порой,
Когда ложилась ночь в ущельи,
Сквозь них мерцала в окнах кельи
Лампада грешницы молодой.
Кругом, в тени деревьев миндальных,
Где ряд стоит крестов печальных,
Безмолвных сторожей гробниц,
Спевались хоры легких птиц.
По камням прыгали, шумели
Ключи студеною волной
И, под нависшею скалой
Сливаясь дружески в ущельи,

Катились дале меж кустов,
Покрытых инеем цветов.

На север видны были горы.
При блеске утренней Авроры,
Когда синеющий дымок
Куруется в глубине долины
И, обращаясь на восток,
Зовут к молитве муэцины,
И звучный колокола глас
Дрожит, обитель пробуждая;
В торжественный и мирный час,
Когда грузинка молодая
С кувшином длинным за водой
С горы спускается крутой,
Вершины цепи снеговой
Светлолиловою стеной
На чистом небе рисовались;
А в час заката одевались
Они румяной пеленой.
И между них, прорезав тучи,
Стоял, всех выше головой,
Казбек, Кавказа царь могучий,
В чалме и ризе парчевой.

Но Демон огненным дыханьем
Тамары душу запятнал,
И божий мир своим блистаньем
Восторга в ней не пробуждал.
Страсть безотчетная как тенью
Жизнь осенила перед ней;
И стало всё предлог мученью,
И утра луч и мрак ночей.
Бывало только ночи сонной
Прохлада землю обоймет,
Перед божественной иконой
Она в безумьи упадет
И плачет, и в ночном молчаньи
Ее тяжелое рыданье
Тревожит путника вниманье,
Сквозь шум далекого ручья
И трель живую соловья.
Бывало разбросав на плечи
Волну кудрей своих, она
Стоит без мысли, холодна,—

И странные лепечут речи
Ее дрожащие уста;
И грудь желание волнует,
И чудный призрак всё рисует
Пред нею в сумраке мечта.
Утомлена борьбой всегдашней
Склонится ли на ложе сна —
Подушка жжет, ей душно, страшно,
И вся, вскочив, дрожит она.

.....

.....

Вечерней мглы покров воздушный
Уж холмы Грузии одел;
Привычке сладостной послушный,
В обитель Демон прилетел;
Но долго, долго он не смел
Святыню мирного приюта
Нарушить. И была минута,
Когда казался он готов
Оставить умысел жестокой.
Задумчив у стены высокой
Он бродит. От его шагов
Без ветра лист в тени трепещет.
Он поднял взор: ее окно
Озарено лампадой блещет:
Кого-то ждет она давно!
И вот средь общего молчанья
Чингуры¹³ стройное бряцанье
И звуки песни раздались.
И звуки те лились, лились,
Как слезы, мерно друг за другом;
И эта песнь была нежна,
Как будто для земли она
Была на небе сложена.
Не ангел ли с забытым другом
Вновь повидаться захотел,
Сюда украдкою слетел
И о былом ему пропел,
Чтоб усладить его мученье?..
Тоску любви, ее волненье
Постигнул Демон в первый раз.
Он хочет в страхе удалиться —

13 Род гитары (*Примечание Лермонтова*)

Его крыло не шевелится!
И чудо! Из померкших глаз
Слеза тяжелая катится...
Поныне возле кельи той
Насквозь прожженный виден камень
Слезой жаркою, как пламень,
Нечеловеческой слезой.

И входит он, любить готовый,
С душой, открытой для добра;
И мыслит он, что жизни новой
Пришла желанная пора.
Неясный трепет ожидания,
Страх неизвестности немой,
Как будто в первое свиданье
Спознались с гордою душой.
То было злое предвещанье!
Он входит, смотрит – перед ним
Посланник рая, херувим,
Хранитель грешницы прекрасной,
Стоит с блистающим челом
И от врага с улыбкой ясной
Приосенил ее крылом.
И луч божественного света
Вдруг ослепил нечистый взор,
И вместо сладкого привета
Раздался тягостный укор.

«Дух беспокойный, дух порочный,
Кто звал тебя во тьме полночной?
Твоих поклонников здесь нет.
Зло не дышало здесь поныне;
К моей любви, к моей святыне
Не пролагай преступный след.
Кто звал тебя?»
Ему в ответ
Злой дух коварно усмехнулся,
Зарделся ревностию взгляд,
И вновь в душе его проснулся
Старинной ненависти яд.
«на моя, – сказал он грозно, –
Оставь ее, она моя;
Отныне жить нельзя нам розно,
И ей, как мне, ты не судья.
На сердце, полное гордыни,

Я наложил печать мою;
Здесь больше нет твоей святыни,
Здесь я владею и люблю!..»
И ангел грустными очами
На жертву бедную взглянул
И медленно, взмахнув крылами,
В эфире неба потонул.

.....

Тамара

О! кто ты? речь твоя опасна!
Тебя послал мне ад иль рай?
Чего ты хочешь?

Демон

Ты прекрасна.

Тамара

Но молви! кто ж ты? Отвечай...

Демон

Я тот, которому внимала
Ты в полуночной тишине,
Чья мысль душе твоей шептала,
Чью грусть ты смутно отгадала,
Чей образ видела во сне.
Я тот, чей взор надежду губит,
Едва надежда расцветет,
Я тот, кого никто не любит
И всё живущее клянет;
Ничто пространство мне и годы,
Я бич рабов моих земных,
Я враг небес, я зло природы, —
И, видишь, я у ног твоих.
Тебе принес я в умиление
Молитву тихую любви,
Земное первое мученье
И слезы первые мои;
О, выслушай, из сожаленья!
Меня добру и небесам

Ты возратить могла бы словом.
Твоей любви святым покровом
Одетый, я предстал бы там,
Как новый ангел в блеске новом;
О! только выслушай, молю;
Я раб твой, я тебя люблю!

Когда я в первый раз увидел
Твой чудный, твой волшебный взор,
Я тайно вдруг возненавидел
Мою свободу, как позор.
Своею властью недовольный,
Я позавидовал невольно
Неполным радостям людей;
В бескровном сердце луч нежданный
Опять затеплился живей,
И грусть на дне старинной раны
Вдруг шевельнулася, как змей.
Что без тебя теперь мне вечность,
Моих владений бесконечность?
Пустые, звучные слова;
Обширный храм – без божества!

Тамара

Оставь меня, о дух лукавый!
Молчи, не верю я врагу!
Творец – увы! я не могу
Молиться; тайною отравой
Мой ум слабеющий объят.
Послушай, ты меня погубишь!
Твои слова – огонь и яд...
Скажи, зачем меня ты любишь?

Демон

Зачем, красавица? Увы,
Не знаю. Полон жизни новой,
С моей преступной головы
Я гордо снял венец терновый,
Я всё бывшее бросил в прах:
Мой рай, мой ад в твоих очах.
Люблю тебя нездешней страстью,
Как полюбить не можешь ты:
Всем упоением, всей властью

Бессмертной мысли и мечты!
В душе моей с начала мира
Твой образ был напечатлен;
Передо мной носился он
В пустынях вечного эфира.
Давно, тревожа мысль мою,
Мне имя сладкое звучало —
Во дни блаженства мне в раю
Одной тебя недоставало!
О! Если б ты могла понять,
Какое горькое томленье
Всю жизнь, века, без разделенья
И наслаждаться и страдать,
За зло похвал не ожидать
Ни за добро вознагражденья!
Жить для себя, скучать собой,
И этой долгою борьбой
Без торжества, без примиренья;
Всегда жалеть — и не желать;
Всё знать, всё чувствовать, всё видеть;
Стараться всё возненавидеть —
И всё на свете презирать!
Лишь только божие проклятье
Исполнилось, с того же дня
Природы жаркие объятья
Навек остыли для меня;
Синело предо мной пространство,
Я видел брачное убранство
Светил, знакомых мне давно:
Они текли в венцах из злата!
Но что же? прежнего собрата
Не узнавало ни одно.
Изгнанников, себе подобных,
Я звать в отчаянии стал,
Но слов и лиц и взоров злобных,
Увы, я сам не узнавал.
И в страхе я, взмахнув крылами,
Помчался — но куда? зачем?
Не знаю — прежними друзьями
Я был отвергнут; как Эдем,
Мир для меня стал глух и нем:
По вольной прихоти теченья
Так поврежденная ладья
Без парусов и без руля
Плывет, не зная назначенья;

Так ранней утренней порой
Отрывок тучи громовой,
В лазурной вышине чернея,
Один, нигде пристать не смея,
Летит без цели и следа,
Бог весть откуда и куда!
Как часто на вершине льдистой,
Один меж небом и землей,
Под кровом радуги огнистой
Сидел я мрачный и немой,
И белогривые метели
Как львы у ног моих ревели;
Как часто, подымая прах,
В борьбе с могучим ураганом,
Одетый молнией и туманом,
Я шумно мчался в облаках,
Чтобы в толпе стихий мятежной
Сердечный ропот заглушить,
Спасть от думы неизбежной
И незабвенное забыть!
Что повесть тягостных лишений,
Трудов и бед толпы людской,
Грядущих, прошлых поколений,
Перед минутою одной
Моих непризнанных мучений?
Что люди? Что их жизнь и труд?
Они прошли, они пройдут –
Надежда есть, – ждет правый суд:
Простить он может, хоть осудит!
Моя ж печаль бессменно тут,
И ей конца, как мне, не будет;
И не вздремнуть в могиле ей!
Она то ластится, как змей,
То жжет и плещет, будто пламень,
То давит мысль мою, как камень, –
Мечтаний прежних и страстей
Несокрушимый мавзолей!

Тамара

Зачем мне знать твои печали?
Зачем ты жалуешься мне?
Ты согрешил...

Демон

Против тебя ли?

Тамара

Нас могут слышать!..

Демон

Мы одне.

Тамара

А бог?

Демон

На нас не кинет взгляда;
Он занят небом – не землей!

Тамара

А наказание – муки ада?

Демон

Так что ж? ты будешь там со мной.
Мы, дети вольные эфира,
Тебя возьмем в свои края;
И будешь ты царицей мира,
Подруга вечная моя.
Без сожаленья, без участия
Смотреть на землю станешь ты,
Где нет ни истинного счастья,
Ни долговечной красоты;
Где преступленья лишь да казни,
Где страсти мелкой только жить,
Где не умеют без боязни
Ни ненавидеть, ни любить.

Иль ты не знаешь, что такое
Людей минутная любовь?
Волненье крови молодое, –
Но дни бегут и стынет кровь.
Кто устоит против разлуки,

Соблазна новой красоты,
Против усталости и скуки
И своенравия мечты?
И пусть другие б утешались
Ничтожным жребием своим:
Их думы неба не касались,
Мир лучший недоступен им.
Но ты, прекрасное созданье,
Не в жертву им обречена;
Тебя иное ждет страданье,
Иных восторгов глубина.
Оставь же прежние желанья
И жалкий свет его судьбе;
Пучину гордого познания
Взамен открою я тебе.
О! верь мне! Я один поныне
Тебя постиг и оценил:
Избрав тебя моей святыней,
Я власть у ног твоих сложил.
Твоей любви я жду, как дара,
И вечность дам тебе за миг:
В любви, как в злобе, верь, Тамара,
Я неизменен и велик!
Толпу духов моих служебных
Я приведу к твоим стопам,
Прислужниц легких и волшебных
Тебе, красавица, я дам;
И для тебя с звезды восточной
Сорву венец я золотой;
Возьму с цветов росы полночной,
Его усыплю той росой.
Лучом румяного заката
Твой стан, как лентой, обовью,
Дыханьем чистым аромата
Окрестный воздух напою.
Всечасно дивною игрою
Твой слух лелеять буду я;
Чертоги пышные построю
Из бирюзы и янтаря.
Я опущусь на дно морское,
Я полечу за облака,
Я дам тебе всё, всё земное —
Люби меня!
И он слегка
Коснулся жаркими устами

Ее трепещущим губам,
И лести сладкими речами
Он отвечал ее мольбам.
Могучий взор смотрел ей в очи;
Он жег ее; во мраке ночи
Над нею прямо он сверкал,
Неотразимый, как кинжал.
Увы! злой дух торжествовал...
Смертельный яд его лобзанья
Мгновенно кровь ее проник;
Мучительный, но слабый крик
Ночное возмутил молчанье.
В нем было всё: любовь, страданье,
Упрек с последнею мольбой
И безнадежное прощанье –
Прощанье с жизнью молодой!..

В то время сторож полуночный
Один вокруг стены крутой,
Когда ударил час урочный,
Бродил с чугуною доской;
И под окошком девы юной
Он шаг свой мерный укротил
И руку над доской чугунной,
Смутясь душой, остановил;
И сквозь окрестное молчанье,
Ему казалось, слышал он
Двух уст согласное лобзанье,
Чуть внятный крик и слабый стон.
И нечестивое сомненье
Проникло в сердце старика;
Но пронеслось еще мгновенье,
И смолкло всё. Издалека
Лишь дуновенье ветерка
Роптанье листьев приносило,
Да с темным берегом уныло
Шепталась горная река.
Канон угодника святого
Спешит он в страхе прочесть,
Чтоб наважденье духа злого
От грешной мысли отогнать;
Крестит дрожащими перстами
Мечтой взволнованную грудь
И молча скорыми шагами
Обычный продолжает путь.

.....

Как пери спящая мила,
Она в гробу своем лежала.
Белей и чище покрывала
Был томный цвет ее чела.
Навек опущены ресницы –
Но кто б взглянувши не сказал,
Что взор под ними лишь дремал
И, чудный, только ожидал
Иль поцелуя иль денницы?
Но бесполезно луч дневной
Скользил по ним струей златой,
Напрасно их в немой печали
Уста родные целовали –
Нет, смерти вечную печать
Ничто не в силах уж сорвать!
И всё, где пылкой жизни сила
Так внятно чувствам говорила,
Теперь один ничтожный прах;
Улыбка странная застыла
Едва мелькнувши на устах;
Но темен, как сама могила,
Печальный смысл улыбки той:
Что в ней? Насмешка ль над судьбой,
Непобедимое ль сомненье?
Иль к жизни хладное презренье?
Иль с небом гордая вражда?
Как знать? для света навсегда
Утрачено ее значенье!
Она невольно манит взор,
Как древней надписи узор,
Где, может быть, под буквой странной
Таится повесть прежних лет,
Символ премудрости туманной,
Глубоких дум забытый след.
И долго бедной жертвы тленья
Не трогал ангел разрушенья;
И были все ее черты
Исполнены той красоты,
Как мрамор, чуждой выраженья,
Лишенной чувства и ума,
Таинственной, как смерть сама!

Ни разу не был в дни веселья

Так разноцветен и богат
Тамары праздничный наряд:
Цветы родимого ущелья
(Так древний требует обряд)
Над нею льют свой аромат
И сжаты мертвою рукою
Как бы прощаются с землею...

Уж собрались в печальный путь
Друзья, соседи и родные.
Терзая локоны седые,
Безмолвно поражая грудь,
В последний раз Гудал садится
На белогривого коня –
И поезд двинулся. Три дня,
Три ночи путь их будет длиться:
Меж старых дедовских костей
Приют покойный вырыт ей.

Один из праотцев Гудала,
Грабитель путников и сёл,
Когда болезнь его сковала
И час раскаянья пришел,
Грехов минувших в искупленье
Построить церковь обещал
На вышине гранитных скал,
Где только вьюги слышно пенье,
Куда лишь коршун залетал.
И скоро меж снегов Казбека
Поднялся одинокий храм,
И кости злого человека
Вновь успокоились там.
И превратилась в кладбище
Скала, родная облакам,
Как будто ближе к небесам
Теплей последнее жилище!

Едва на жесткую постель
Тамару с пеньем опустили,
Вдруг тучи гору обложили,
И разыгралась метель;
И громче хищного шакала
Она завывала в небесах
И белым прахом заметала
Недавно вверенный ей прах.

И только за скалой соседней
Утих моления звук последний,
Последний шум людских шагов,
Сквозь дымку серых облаков
Спустился ангел легкокрылый
И над покинутой могилой
Приник с усердною мольбой
За душу грешницы молодой.
И в то же время царь порока
Туда примчался с быстротой
В снегах рожденного потока.
Страданий мрачная семья
В чертах недвижимых таилась;
По следу крыл его тащилась
Багровой молнии струя.
Когда ж он пред собой увидел
Всё, что любил и ненавидел,
То шумно мимо промелькнул
И, взор пронзительный кидая,
Посла потерянного рая
Улыбкой горькой упрекнул...

На склоне каменной горы
Над Койшаурскою долиной
Еще стоят до сей поры
Зубцы развалины старинной.
Рассказов, страшных для детей,
О них еще преданья полны...
Как призрак, памятник безмолвный,
Свидетель тех волшебных дней,
Между деревьями чернеет.
Внизу рассыпался аул,
Земля цветет и зеленеет,
И голосов нестройный гул
Теряется; и караваны
Идут гремя издалека,
И, низвергаясь сквозь туманы,
Блестит и пенится река;
И жизнью вечно молодою,
Прохладой, солнцем и весною
Природа тешится шутя,
Как беззаботное дитя.

Но грустен замок, отслуживший
Когда-то в очередь свою,
Как бедный старец, переживший
Друзей и милую семью.
И только ждут луны восхода
Его незримые жильцы;
Тогда им праздник и свобода!
Жужжат, бегут во все концы:
Седой паук, отшельник новый,
Прядет сетей своих основы;
Зеленых ящериц семья
На кровле весело играет,
И осторожная змея
Из темной щели выползает
На плиту старого крыльца;
То вдруг сошьется в три кольца,
То ляжет длинной полосой
И блещет, как булатный меч,
Забытый в поле грозных сеч,
Ненужный падшему герою...
Всё дико. Нет нигде следов
Минувших лет: рука веков
Прилежно, долго их сметала...
И не напомним ничего
О славном имени Гудала,
О милой дочери его!
И там, где кости их истлели,
На рубеже зубчатых льдов,
Гуляют ныне лишь метели
Да стаи вольных облаков;
Скала угрюмого Казбека
Добычу жадно сторожит,
И вечный ропот человека
Их вечный мир не возмутит.

Посвящение

Я кончил – и в груди невольное сомненье!
Займет ли вновь тебя давно знакомый звук,
Стихов неведомых задумчивое пенье,
Тебя, забывчивый, но незабвенный друг?

Пробудится ль в тебе о прошлом сожаленье?

Иль, быстро пробежав докучную тетрадь,
Ты только мертвого, пустого одобренья
Наложишь на нее холодную печать;

И не узнаешь здесь простого выраженья
Тоски, мой бедный ум томившей столько лет;
И примешь за игру иль сон воображенья
Больной души тяжелый бред...

Примечания

Печатается по авторизованному списку – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 4 (отдельные поправки в списке – рукой А. П. Шан-Гирея). Текст последней строфы посвящения, в рукописи частично вырванный, восстанавливается по первопечатному тексту («Отеч. записки», 1843, т. 28, № 6, отд. I, стр. 376 – «Посвящение, приписанное в конце одного из экземпляров поэмы „Демон“»).

По цензурным условиям впервые были опубликованы только отрывки из «Демона» – в «Отеч. записках» (1842, т. 22, № 6, отд. I, стр. 187–201), по списку, собственноручно изготовленному и отредактированному В. Г. Белинским (ЛБ, М. 3151), представлявшему контаминацию текстов редакций 8 сентября 1838 года и начала 1841 года, с предпочтением первой из них (см.: «Лит. наследство», т. 57, 1951, стр. 261–272). Полностью, но с неточностями, текст VI редакции был опубликован в «Русск. вестнике» (1889, № 3, стр. 411–425). Позднее давался лишь в отрывках (Соч. под ред. Висковатова, т. 3, 1891, стр. 94–106; Соч. изд. т-ва И. Н. Кушнерева, т. 3, М., 1891, стр. 10–13; «Демон» изд. т-ва Кушнерева, М., 1909) или в вариантах, притом далеко не исчерпывающим образом (Соч. изд. «Academia», т. 3, 1935, стр. 641–645).

На обложке авторизованного списка – дата рукой Лермонтова: «1838 года сентября 8 дня».

Это так называемая первая кавказская редакция, т. е. текст поэмы до ее двукратной переработки Лермонтовым (4 декабря 1838 года и в начале 1841 года) под давлением цензурных условий того времени. Белинский ценил ее выше последней редакции, в которой бунтарское звучание было несколько сглажено Лермонтовым.

Стихи последней редакции

Что без тебя мне эта вечность?
Моих владений бесконечность?
Пустые звучные слова,
Обширный храм – без божества!

ср. со следующими стихами из поэмы «Исповедь»:

Что без нее земля и рай?
Пустые звонкие слова,
Блестящий храм без божества!

См. также в «Боярине Орше»:

Что без нее земля и рай?
Одни лишь звучные слова,
Блестящий храм – без божества!..

Стихи последней редакции

И были все ее черты
Исполнены той красоты,
Как мрамор, чуждой выраженья,
Лишенный чувства и ума,
Таинственной, как смерть сама.

ср. со следующими стихами из поэмы «Боярин Орша»:

Спокойны были все черты,
Исполнены той красоты,
Лишенной чувства и ума,
Таинственной, как смерть сама.